

Л. Ф. ЧЕРТОВ

ЗНАКОВАЯ ПРИЗМА

СТАТЬИ
ПО ОБЩЕЙ И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
СЕМИОТИКЕ

ЗНАКОВАЯ СВЯЗЬ

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ СЕМИОЗИС

СЕМИОТИКА ЦВЕТА

СЕМИОТИКА И ЭСТЕТИКА

ВИЗУАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ
КОДЫ В ИСКУССТВЕ

Леонид Файбышевич Чертов
Знаковая призма. Статьи по общей
и пространственной семиотике

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11648956

*Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике: Языки славянской культуры; Москва; 2014
ISBN 978-5-94457-202-8*

Аннотация

В сборник входят избранные статьи Л. Ф. Чертова, автора книги «Знаковость» (1993). В центре внимания находится комплекс мало изученных семиотических систем – визуально-пространственных кодов и особенности образуемых с их помощью пространственных текстов. Рассматриваются соотношения этих систем друг с другом и с вербальным языком, их роли в семиосфере культуры, а также участие в организации разных форм видения и пространственного мышления. Специально рассмотрено значение этого комплекса семиотических средств для пространственных видов искусства.

Книга может представлять интерес для всех, кто интересуется семиотикой и возможностью описания с ее помощью различных сфер культуры, в частности – выразительных и изобразительных средств искусства.

Содержание

О сборнике	5
I. «Метасемиотика»	7
Семиология как проект[1]	7
Семиотика и семиология	7
Семиологические проекты	9
Проблема границ семиосферы	11
Общее и особенное в семиологических проектах	12
Семиология знаковых средств	13
Общая семиология	17
Семиотика и гуманитарные науки[2]	20
Семиотика пространства: от «круглого стола» к общей теории[3]	23
Об истоках семиотики пространства	23
О перспективах семиотики пространства	27
Об отношениях между семиотикой пространства и лингвистикой[4]	32
О семиотике пространства в России[5]	36
I	36
II	39
III	43
II. Семиология знаковых средств «знаковая призма»: пространственная модель семиозиса[78]	45
К теории знака[79]	56
III. Пространственный семиозис	59
Пространственный семиозис и время[80]	59
Различия пространственного и временного семиозиса	59
Пространственный семиозис во времени	60
Время в пространственном семиозисе	61
К семиотике пространственных кодов[81]	65
Пространственные коды	65
Архитектонический код	66
Предметно-функциональный код	68
Социально-символический код	69
Семиотизация пространства и визуальные коды[82]	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Л. Ф. Чертов
Знаковая призма. Статьи по общей
и пространственной семиотике

© Чертов Л. Ф., 2014

© Языки славянской культуры, 2014

* * *

О сборнике

В книге собраны тексты статей и выступлений, так или иначе затрагивающих семиотический предмет. Большинство из них опубликовано в разрозненных изданиях; часть работ публикуется впервые. Собранные вместе, они позволяют представить авторскую позицию по вопросам общей и пространственной семиотики.

Понятия «семиотика» и «семиология» в текстах используются совместно и трактуются не как синонимы, а как названия несовпадающих сфер. К семиологии отнесены семиотические исследования, производимые только на определенном уровне обобщений, на котором выявляются принципы организации семиотических средств из разных семиосистем. Понятая таким образом семиология отличается, с одной стороны, от семиографии как конкретного описания этих средств, а с другой – от семиософии как философских рассуждений о них («Семиология как проект»).

Большинство работ в сборнике относится к сфере семиологии в указанном смысле и направлено на выяснение не того, что означают те или иные семиотические средства, а того, как они это делают. В сборник включены и работы семиографического характера, в которых описываются отдельные пространственные коды: архитектурный, предметно-функциональный, социально-символический и ряд других («К семиотике пространственных кодов» и др.); как особая семиотическая система рассматриваются шахматы («К семиотике игрового пространства...»). В некоторых текстах большое место занимают семиософские рассуждения («От герменевтики...», «О семиотических аспектах техники», «Пространственное мышление...» и др.). Строгого разграничения этих уровней не проводится, и они нередко совмещаются в одной и той же работе.

Несколько текстов относится к общей семиотике, в частности, к такому ключевому для нее понятию, как «знак». Однако большая часть работ направлена на прояснение основных понятий такой сравнительно молодой отрасли, как семиотика пространства. В центре внимания находятся мало изученные семиотические системы – ряд визуально-пространственных кодов, которые вместе с вербальным языком включены в семиосферу культуры и имеют отчасти еще природные корни. Проводится мысль о том, что эти коды входят в арсенал выразительных и изобразительных средств искусства, которое рассматривается при этом не как особый язык, а как особый способ использования и разработки самых разных семиотических систем, применяемых не только в художественной сфере.

Статьи разделены (несколько условно) по предметам, в последовательности которых прослеживается движение от общего к частному. В первом разделе собраны работы, которые можно отнести к «метасемиотике», трактуемой здесь как сфера исследования самого предмета семиотики: его строения, истории и перспектив развития. Часть работ из этого раздела посвящена истории семиотики пространства, особенностям ее предмета и ее отношениям с другими дисциплинами.

Во второй раздел входят работы, относящиеся к семиологии знака. Здесь представлены переработанные в виде отдельной статьи фрагменты глав 6 и 7 из книги «Знаковость» (Чертов 1993), где строится интегративная пространственная модель знаковой связи («Знаковая призма...»). В том же разделе дается чисто дискурсивное описание механизма этой связи, которое публикуется впервые.

Следующие далее разделы посвящены средствам пространственного семиозиса. Его специфика, отношения со временем, особенности визуально-пространственных кодов и создаваемых с их помощью пространственных текстов составляют предмет статей из раздела III. Участие пространственных семиотических средств в осмыслении предметной среды и в организации пространственного мышления рассматриваются в разделах IV и V,

соответственно. В раздел VI помещены статьи о семиотике цвета, хотя «принцип палитры», о котором здесь говорится, распространяется не только на цветовые коды.

Статьи из раздела VII о связях семиотики и эстетики носят, преимущественно, «мета-семиотический» характер, но присоединены к следующим за ними разделам, в которых предмет традиционной эстетики и искусствоведения трактуется с позиций пространственной семиологии. Здесь рассматриваются семиотические средства изображений (раздел VIII) и участие визуально-пространственных кодов в создании и интерпретации произведений искусства (раздел IX). В статьях раздела X семиотические понятия так или иначе привлекаются для описания и объяснения некоторых феноменов художественной культуры, связанных с разными способами демонстрации, видения и интерпретации изображений.

Язык представленных работ меняется в зависимости от их характера. В текстах, нацеленных на точную формулировку семиологических категорий (например, «К теории знака»), слова становятся терминами (обычно выделенными курсивом), необходимыми в излагаемой системе понятий. Чтение таких текстов, возможно, требует некоторых усилий. Легче воспринимаются тексты, перед которыми такая задача не стоит (например, «Кому улыбается Мона Лиза?»).

Написанные как самостоятельные работы, статьи содержат неизбежные повторения ключевых понятий и тезисов, которые воспроизводятся и разрабатываются в разных контекстах. Некоторые, но далеко не все, повторы удалены – там, где это не нарушает логику рассуждений. Кроме этих удалений, отмеченных многоточием в угловых скобках, изменения опубликованных ранее статей ограничиваются в основном сведением упоминаемой литературы в единый список, а также корректорской и стилистической правкой.

Санкт-Петербург, 2014.

I. «Метасемиотика»

Семиология как проект¹

Семиотика и семиология

«Семиотикой» сегодня называют всю область знаний о знаках, включая в нее как конкретные их описания, так и теории, которые на разных уровнях обобщения объясняют природу знаковой связи. Неоднородность поля семиотических исследований позволяет различать в рамках так широко понимаемой семиотики, по крайней мере, три уровня общности: «семиографический», «семиологический» и «семиософский».

При таком различении к области *семиографии* должны быть отнесены все описания конкретных семиотических единиц, построенных из них конструкций, а также правил их образования и интерпретации. Эти описания могут принимать нормативную форму и служить предписаниями для создания и использования знаков или быть дескриптивными исследованиями того, какие нормы и в каких пределах используются в той или иной сфере семиотической практики. Многие семиографические исследования традиционно проводятся в рамках других сфер знания: грамматики того или иного языка, геральдики, эмблематики, нумизматики, фалеристики и др. – и часто не связываются с семиотикой.

На более высоком уровне обобщения предлагаются уже не описания конкретных знаков и знаковых систем, а объяснения того, что такое знаковая связь, как она устроена, при каких условиях нечто способно выполнять функции знака, какова структура «знаковой ситуации» и т. п. На этом уровне находят свое обобщение конкретные семиографические исследования; знаки сопоставляются с сигналами, индексами, символами или моделями, выясняются их сходства и различия как средств коммуникации и репрезентации. Здесь выявляются универсалии, присущие семиотическим средствам разных типов, конструируются схемы описания этих средств и строятся теоретические модели того, как они функционируют. На том же уровне обобщения производится сравнительный анализ организации семиотических систем разного типа, и рассматриваются возможные формы их взаимодействия.

Для этого уровня семиотики уместно название «*семиология*», которая в таком случае понимается как ее теоретическая часть. При этом названия, исторически сложившиеся в разных традициях, перестают быть синонимами, как они обычно трактуются, а совместно используются в разных смыслах: к семиотике относятся как семиографический, так и семиологический уровни исследований, а к семиологии – только последний из них. В сходном смысле Ч. Моррис предлагал различать «дескриптивную» и «чистую» семиотику (см.: Моррис 1983: 44).

Всякая семиологическая теория имеет явные или неявные предпосылки, связанные с определенными философскими воззрениями на ее предмет и на методы исследования. Эти философские аспекты предмета и метода семиотики образуют область, которую обобщенно можно назвать сферой *семиософии*. В нее войдут, прежде всего, различные версии философии языка, знака, имени и т. д. «Семиософский» характер приобретают, кроме того, и те аспекты других разделов философии – онтологии, гносеологии, логики, фило-

¹ Публикуется впервые. Статья написана на основе доклада «Семиологические проекты и проблема границ семиосферы», представленного 17 апреля 2003 г. на конференции: «Новый этап становления общей семиотики: вклад техно- и биосемиотики», ВРФШ, Санкт-Петербург.

софии культуры и др. – которые привлекаются в качестве оснований семиологии. В отличие от семиографии и семиологии, семиософия не ограничивается сферой научного знания и может содержать элементы той или иной системы ценностных ориентаций.

И семиография, и семиософия далеко не всегда позиционируют себя как области знаний, прямо связанных с семиотикой. Эта связь открывается только для взгляда, направленного из некоторого центра, с точки зрения семиологии, откуда семиография, с одной стороны, и семиософия – с другой, предстают в семиотической перспективе. При таком толковании семиология вычленяется из семиотики как ее «ядро», вокруг которого концентрируются другие исследования, так или иначе с ним соотносимые.

Расслоение семиотических исследований на три уровня не исключает того, что при более подробном анализе между ними обнаруживаются промежуточные ступени. Не исключает оно и того, что все эти уровни обобщения могут совмещаться, если анализ конкретных семиотических средств сопрягается с теоретическими обобщениями.

Семиотические исследования всех уровней объединяет направленность на выявление более или менее общих принципов и норм образования знаков и выражения смыслов. В духе рассматривавшегося В. Виндельбаном и Г. Риккертом различия «номотетического» и «идиографического» методов можно говорить о «номотетической» ориентации семиотических исследований, которые даже в описаниях отдельных знаков и текстов стремятся выявить некие общие правила их образования и интерпретации. В этом отношении генерализирующую установку семиотики можно было бы противопоставить индивидуализирующей установке герменевтики. В многообразии ее версий присутствует общая «идиографическая» направленность на понимание смыслов отдельных текстов, взятых в определенных контекстах, на выявление особенностей их интерпретаторов и конкретных актов истолкования – даже если для такой индивидуализации герменевтике приходится иметь дело с общими нормами построения и осмысления знаков и выходить на философский уровень.

В самостоятельную сферу выделяется *метасемиотика*, предметом которой становится сама наука о знаках: ее развитие, ее внутренние подразделения и ее внешние отношения с другими сферами знания. В частности, ведению этой метанауки подлежит двусторонний характер связей семиотики с другими конкретно-научными и философскими дисциплинами. С одной стороны, это корни, которые семиотика находит в истории других наук (логики, лингвистики, психологии и др.), воспринимая и по-своему трансформируя складывающиеся в них идеи, а с другой стороны, это возможности, которые она способна предоставить иным наукам в качестве метода описания и осмысления их материала. И в том и в другом случаях семиотика сохраняет свою идентичность в той мере, в которой остается несводимым к другим дисциплинам ее семиологическое «ядро».

Характер связи этого «ядра» с несемиотическими дисциплинами зависит от степени их общности. Для философских наук (онтологии, гносеологии, логики, философии культуры и др.) семиология оказывается конкретизацией и встает в ряд таких нефилософских наук, как социология, культурология, этнология и др. В то же время сами эти науки становятся «-логиями» в силу того, что строят теоретические обобщения и объяснительные модели своих предметов. Подобно им семиология выступает как результат обобщения различных «-графий» – описаний конкретных знаков в таких дисциплинах, как языкознание, фольклористика, этнография, искусствоведение и т. п. (ср. различие этнографии и этнологии в кн.: Леви-Строс 2001: 369 или иконографии и иконологии в кн.: Панофский 1999а: 48–49). Именно для обобщения лингвистических исследований Ф. де Соссюр с 1894 года начал использовать и сам термин «семиология» (см.: Соссюр 1990: 103, 196, 200; см. также: Соссюр 1977: 54–55, 101).

Семиологические проекты

Предложение Соссюра сопоставимо с рядом других возникавших в истории семиологических проектов, каждый из которых дает свою трактовку общей науки о знаках и знаковых системах. Популярное ныне слово «проект» позволяет рассматривать в этом ряду разные концепции такой науки независимо от того, насколько они были развиты их создателями или последователями. Однако, даже с этой поправкой, о семиологии и ее проектах приходится говорить как о явлении намного более позднем, чем семиография, без которой еще в древнейшие времена было бы невозможно даже обучение грамоте, или чем семиософия, которая присутствует уже в диалогах Платона. Но ни в античности, ни в Средние века еще не выделилась общая теория знаков, отличимая от их конкретного описания, с одной стороны, и от философских рассуждений о них – с другой. При том что стоики и затем Августин разработали предпосылки такой теории, а схоласты выдвинули востребованную позднее идею обобщенной «спекулятивной грамматики», только в Новое время появляются проекты семиотики как самостоятельной науки, которые постепенно вычлениют ее из других областей знания.

В проекте Дж. Локка [1690] «семиотика» как учение о знаках еще тесно привязана к логике и соотнесена с «физикой» и «практикой» таким же образом, которым в античности «логика» сопоставлялась с «физикой» и «этикой» (см.: Локк 1985: 200; ср.: Секст Эмпирик 1975: 61 и след.). С логикой связаны и более поздние проекты науки о знаках у И. Ламберта [1764] и Б. Больцано [1837] (см.: Больцано 2003: 446 и след.; Lambert 1965). Эту же связь сохраняют «Логика знаков (Семиотика)» Э. Гуссерля [1890] и развитая им в «Логических исследованиях» идея «чистой грамматики», отделенной от лингвистических, психологических и прочих эмпирических исследований и выявляющей всеобщие априорные формы значений (Husserl 1970, 1968).

Логические корни имеет и проект Ч. Пирса, которому, как и Локку, представлялось, что логика «в своем общем понятии есть не что иное, как другое название *семиотики*» (Пирс 2000: 46). Однако у Пирса предмет семиотики расширяется по образцу средневекового тривия. Помимо собственно логики как формальной науки «об условиях истинности репрезентации» семиотика Пирса включает также и «чистую грамматику» («*Grammatica speculativa*») как учение о знаках и способах репрезентации ими значений, и «чистую риторику», устанавливающую законы, по которым «один знак порождает другой и одна мысль влечет за собой следующую» (Там же: 48–49). Подобное объединение грамматики, логики и риторики в единую науку о знаках производил еще в 1831 г. Б. Сمارт, указывая на Локка как предшественника, но называя эту науку «сематологией» (Smart 1978: 38).

Название «сематология» служило для обозначения общей науки о знаках и их значениях также у Р. Гетченбергера [1920] и К. Бюлера [1933, 1934] (Gätschenberger 1920: 226; Bühler 1969: 37–39; Бюлер 1993: 6–7). Некоторые проекты такой науки принимали название «семасиологии». Г. Гомперц использовал его применительно к «науке о содержании мышления» в рамках «ноологии» – общей науки о разуме (Gomperz 1908: 43). Г. Шпет во «Введении в этническую психологию» [1927] придал этому названию еще более широкое толкование, выдвигая идею «чистой и всеобщей семасиологии» как основания для изучения значений, представленных в культуре посредством разнообразных носителей, включая рисунки, постройки, действия и т. п. (Шпет 1996: 365). Во всех этих проектах общая наука о знаках и их связях со значениями уже выходит за рамки логических исследований и рассматривается в соотношении с гносеологией, психологией, языкознанием и др.

Как часть «социальной психологии, а следовательно, и общей психологии» трактуется и «семиология» в уже упомянутом проекте обобщающей науки о знаках, связанном с име-

нем Ф. де Соссюра (Соссюр 1977: 54). Однако сам этот проект сложился в поисках обоснования для нового видения лингвистики как науки о таких свойствах языка, которые не раскрываются в рамках психологического, социологического или исторического подходов к его изучению. При этом лингвистика как наука о «наиболее характерной» из систем выражения принималась за образец, на который должна ориентироваться еще формирующаяся семиология (см.: Там же: 101).

Такой лингвоцентрический строй мысли еще более отчетливо проявляется в глоссематике Л. Ельмслева, где тоже можно найти свой семиологический проект – идею «создать лингвистику в широком смысле, “семиологию” на имманентной основе»

(см.: Ельмслев 1999: 230). Семиология в этом проекте должна охватывать все системы, которые имеют сходную с языком структуру. Она должна «установить общую точку зрения для большого числа дисциплин, от изучения литературы, музыки, истории вплоть до логики и математики с тем, чтобы с этой общей точки зрения данные науки концентрировались бы вокруг ряда лингвистически определенных проблем» (Там же).

В глоссематике Л. Ельмслева проводилось различие «семиотики» и «семиологии», но в ином смысле, чем предложенный выше. В этой теории «семиотикой» называется сама знаковая система, а «семиологией» – наука, которая изучает язык и подобные ему системы знаков. Наука о знаках может быть названа в той же системе терминов и «метасемиотикой», поскольку такая наука сама представляет собой знаковую систему, имеющую в своем плане содержания другую знаковую систему, то есть «семиотику» в глоссематическом смысле (Там же: 236). Очевидно, что используемые в данной работе понятия семиологии и метасемиотики имеют генетическую связь с соответствующими понятиями глоссематики, но не тождественны им.

В последующих исследованиях структуралистов, нацеленных на поиск в различных сферах культуры семиотических систем, сходных по тем или иным признакам с вербальным языком, лингвоцентризм семиотики способствовал ее трактовке как проекции методов структурной лингвистики за рамки языкознания. Предмет семиотики при этом мыслился как «любой объект, поддающийся средствам лингвистического описания» (И. И. Ревзин, цит. по: Лотман 1984: 5). Вполне логично при таком подходе было и «перевернуть формулу Соссюра», как предложил Ролан Барт, утверждая, что не лингвистика должна рассматриваться как раздел семиологии, а наоборот, семиология – как раздел лингвистики, пусть и несколько расширенной (Барт 2000: 248–249).

В этом переворачивании Ж. Деррида увидел последовательное подчинение семиологии «логоцентрической метафизике», в плену которой, по его мнению, оставался и проект Соссюра, и для которой не существует «иного смысла, кроме “именованного”» (Деррида 2000: 174). Чтобы «противостоять логоцентрическому подавлению и лингвистическому захвату», Деррида предложил свой проект преобразования семиологии в «грамматологию», которая стала бы «наукой о немотивированности следа, наукой о письме до речи и в речи»; к такой науке Деррида считал возможным отнести слова из «Курса» Соссюра, сказанные о семиологии: «Лингвистика – только часть этой общей науки: законы, которые открывает [грамматология], будут применимы и в лингвистике» (Там же: 173; ср.: Соссюр 1977: 54).

Стремление освободиться от опоры на лингвистику как на образец для любых областей семиологии проявили и некоторые другие авторы. Так, У. Эко, распространяя предмет семиологии на все средства коммуникации в культуре, основанные на конвенциональных кодах, отмечает в то же время, что «далеко не все коммуникативные феномены можно объяснить с помощью лингвистических категорий» (Эко 1998: 121).

Сходным образом ограниченность лингвистических средств описания была осознана Ю. М. Лотманом. На смену концепции «вторичных» моделирующих систем, опирающихся на вербальный язык как на «первичную» систему и построенных более или менее сходным

с ним образом, он выдвинул идею принципиально гетерогенной «семиосферы», понятой как «некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями» (Лотман 1984: 5–6; см. также: Лотман 2000).

Проблема границ семиосферы

Различные семиологические проекты по-разному определяют предметную область общей теории знаков и границы того, что могло бы образовать в ее рамках «семиосферу». (Слово «семиосфера» применительно к сфере функционирования знаков присутствует еще в работе: Wallis 1962: 400.) Понятие семиосферы, сконструированное Ю. М. Лотманом по аналогии с понятиями «биосфера» и «ноосфера» у В. И. Вернадского, было распространено им на всю сферу культуры. При таком толковании «сфера знаков», используемых в культуре, охватывает область значительно более широкую, чем «сфера разума», действующего по правилам логики. Соответственно, лишь небольшая часть семиосферы будет охвачена логически ориентированной семиотикой, предмет которой ограничен структурами «чистого синтаксиса» и «чистой семантики» – как, например, в проекте Р. Карнапа (см.: Carnap 1946: 13–14).

Если признается, что человек не только *animal rationale*, то для него функции логического мышления будут лишь одной из форм, с которыми он имеет дело как *animal symbolicum*. Тогда преобразование «критики разума» в «критику культуры» может способствовать выявлению особой «грамматики» каждой из развитых в этой культуре «символических форм» – на что был направлен проект Э. Кассирера (см.: Кассирер 1998: 472; 2002: 17, 23). В семиосферу культуры попадает вся культурно детерминированная сфера психики человека (сознательной и бессознательной), исследуемая психологами и психоаналитиками разных направлений (ср.: Выготский 1983; Юнг 1996). Здесь же оказывается и вся «социосфера», соотнесенная с психикой как внешнее с внутренним. Именно с этой сферой связан и сосюреевский проект семиологии, представляющий ее как «науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества» (Соссюр 1977: 54).

Однако в некоторых концепциях теория знаков выводится за пределы «антропосемиотики» и распространяется на сферы «зоосемиотики», «фитосемиотики» и вообще «биосемиотики» (см., в частности: Sebeok 1981). Это дает основания включать в предметную область понятия «семиосферы», наряду с феноменами культуры, явления живой природы и находить не только формальную аналогию, но и содержательную его связь с понятием «биосфера», поскольку сама жизнь осмысливается как сфера, в которую принципиально встроен семиозис, понятый в достаточно широком смысле (см.: Hoffmeyer 1996). Следует отметить, что хотя лотмановское понятие семиосферы было направлено на исследование феноменов культуры, их соотнесение с явлениями природы, к которому постоянно прибегал ученый, позволяет полагать, что оно не исключает возможности расширения, произведенного Е. Хоффмеером.

Такое широкое понимание сферы семиозиса согласуется с теорией знаков Пирса и Морриса, преодолевающей «порог», за который не переступают семиологические проекты Соссюра или Эко (ср.: Eco 1976; Nöth 2000). В трактовке В. Нёта, «семиосфера Пирса» включает всю биосферу (Nöth 2001: 74). Проект же Ч. Морриса, нацеленный на универсальный охват всего гуманитарного и естественнонаучного знания, прямо декларирует применимость теории знаков к биологии, а основные семиотические понятия в нем иллюстрируются примерами поведения животных (см.: Моррис 1983: 39–40; Morris 1971: 83–84, 94).

В расширенное понятие семиосферы могут быть включены и некоторые неживые объекты «техносферы», прежде всего, той ее части, в которую входят машины, способные перерабатывать информацию и коммуницировать с человеком или друг с другом. Теоретическое

обоснование принципиальной общности этих информационных процессов с процессами сигнальной связи в социальных, логических, психологических и биологических системах дала «Кибернетика» Н. Винера [1948], которую так же можно рассматривать как проект расширенной семиологии (см.: Винер 1968).

Однако такое широкое толкование сферы приложения семиотических понятий порождает проблему, связанную с выяснением границ между информационными процессами, происходящими в культуре и в природе, между «антропосемиотикой» и «биосемиотикой», а также между их частными подразделениями.

В понятие семиосферы при достаточно широком толковании могут быть включены, с одной стороны, знаковые и символические средства, имеющие культурное происхождение, а с другой – сигнальные и индексальные средства связи, участвующие в процессах живой природы или в технических конструкциях. Соответственно, и понятие семиосферы тогда охватит все семиотические средства, которые включаются и в ноосферу, и в социосферу, и в техносферу, и в биосферу. В этом случае более актуальным становится вопрос не о внешних границах семиосферы, а о внутреннем ее разграничении и о различиях между семиотическими средствами разных типов и уровней.

Общее и особенное в семиологических проектах

Все это дает основания для возвращения к обсуждению семиологии как проекта: уточнению ее границ и внутренних подразделений. Разработка этого проекта не прекращается с возникновением науки о знаках. Так же как разрастание города требует постоянного возвращения к работе над его «генеральным планом», так и развитие научной дисциплины нуждается в постоянном переосмыслении ее «проекта».

Исторически возникавшие проекты науки о знаках различались не только в понимании ее пределов, но и в том, *что* они ставили в центр внимания: теорию знаков (Пирс, Моррис), теорию знаковой системы (Соссюр, Ельмслев), теорию текста (Барт, Кристева), сравнительный анализ знаковых систем различных типов (Бенвенист, Лотман, Эко) и т. п. Хотя эти концепции могли оцениваться как альтернативные, переход от одной из них к другой обоснован внутренней логикой изучения самого предмета. Именно акцент на разных аспектах этого предмета позволяет не противопоставлять семиологические проекты друг другу, а рассматривать как основания для разделов единой науки, связанных общим «архитектурным замыслом». Прояснение этого «замысла» и уточнение внутреннего «устройства» семиологии неизбежно принимает форму ее нового проекта, в котором прежние «чертежи» отнюдь не отрицаются, а наоборот, учитываются как части единого плана.

При всех различиях семиологических проектов их объединяет установка на выявление воспроизводимых *условий*, при которых нечто функционирует как знак. Как уже говорилось выше, семиотическое видение ориентировано на обнаружение унифицированных норм построения значимых единиц и их соотнесения с определенным способом осмысления; оно ищет систематические связи между знаками и их значениями, между планами «выражения» и «содержания». Однако разные версии теории знаков различаются тем, какие связи они готовы учитывать и рассматривать в качестве семиотических норм: включать, например, только конвенции, принятые в культуре, или присоединять к ним какие-то природные закономерности.

Сопоставляя предметные области, очерчиваемые разными семиологическими проектами, можно различить некий «центр», где они пересекаются, и «периферию», границы которой размыты, поскольку каждая из концепций очерчивает их по-своему. В «центре» оказываются, как правило, исследования знаковых средств, намеренно создаваемых в культуре для коммуникации между членами коллектива и для репрезентации объектов их дея-

тельности. Несколько в стороне традиционно остаются так называемые «естественные знаки» – явления, не созданные специально для выражения смысла, но допускающие осмысление и интерпретацию в силу тех или иных естественно складывающихся закономерностей. Это различие нельзя не учитывать, пытаясь заново осмыслить строение семиологии как научной дисциплины со своим особым предметом и прояснить «каркас» ее основных понятий. Если семиология ограничится сферой одних лишь намеренно создаваемых знаков, за ее рамками окажутся другие типы информационного опосредования; если же она включит в свой предмет то, что в ее истории называлось «естественными знаками», может стереться принципиальная разница между последними и сознательно создаваемыми средствами коммуникации.

Учитывая как сходство, так и различие информационных посредников разных типов, семиологию можно разделить на «общую», в пределах которой сопоставляются разнотипные средства информационной связи, и, по крайней мере, одну «частную», которая специализируется на исследовании знаковых средств, намеренно создаваемых в человеческой деятельности.

Семиология знаковых средств

Выделенная из «общей семиологии» *семиология знаковых средств* строит концептуальные модели таких носителей значений, которые производятся и воспроизводятся на основе утвердившихся в культуре конвенций. Эти средства отличаются от других типов информационного опосредования, имеющих место в биологических и технических процессах, своим происхождением в человеческой деятельности и способом включения в нее. Возникая как посредники одновременно межсубъектных и субъектно-объектных отношений, знаковые средства проявляют связанные с этим функциональные и структурные особенности. К ним относятся принципиальное совмещение коммуникативной и репрезентативной функций и организация переменных компонентов семиозиса вокруг устойчивого отношения сигнификации (см.: Чертов 1993; см. также ниже: «Знаковая призма...»). Таким образом, основания для выделения «семиологии знаковых средств» в особую область дает генетическая, функциональная и структурная специфика ее предмета.

В свою очередь в рамках «семиологии знаковых средств» могут быть различены разделы, специализирующиеся на разных аспектах знаковой связи. Такими разделами в ней могут быть: теория знака, теория знаковых систем, теория знаковых конструкций, а также теория семиосферы. (Слово «теория» здесь и далее используется для обозначения целостной системы знаний об определенном предмете научного исследования, который представлен с помощью непротиворечивой и методологически отрефлексированной системы понятий.)

В *семиологии знака* формулируются условия, при которых нечто может наделяться значением и, тем самым, становиться знаком. В ней рассматриваются знаковые *функции* и необходимая для их реализации *структура* соотношений между различными компонентами знаковой связи. В теории знака последний может быть представлен как унифицированное (для разных субъектов) и воспроизводимое (в разных материальных носителях) средство коммуникации между субъектами, способное репрезентировать отсутствующие в наличной ситуации объекты познания, оценки и преобразования, вступая в обусловленную семиосистемой сеть отношений с другими компонентами семиозиса.

Важнейшим элементом механизма знаковой связи является *значение*, без которого невозможно осуществление знаковых функций и возникновение необходимой для этого структуры. Поэтому семиология знака органично включает в себя и теорию значения. Значение в такой системе понятий может быть трактовано как унифицированный способ интерпретации знака на основе общей схемы его осмысления. Такая схема позволяет, с одной

стороны, выделять класс обозначаемых объектов, а с другой – направлять конструирование и реконструирование смыслов по правилам, которые при семиотической установке рассматриваются как единые для «отправителя» и для «получателя» знака.

В рамках общей теории знаков может быть произведен их сравнительный анализ и построена *типология знаков*, учитывающая также дифференциацию их функций в знаковых системах и знаковых конструкциях.

Взаимоотношения знаков в семиотических системах, регулирующих правила их образования, интерпретации и использования, образуют уже предмет *семиологии знаковых систем*. В этом разделе рассматриваются возможные способы *организации* таких систем: состав их *элементов*, типы *структур*, в которые эти элементы могут включаться, а также *функции*, которые могут выполняться элементами, структурами и образованными ими знаковыми системами в целом. В теории знаковых систем, в частности, строятся теоретические модели иерархических структур, образуемых отношениями между единицами разных уровней, а также синтагматических и парадигматических структур, создаваемых отношениями между единицами одного и того же уровня.

Семиология знаковых систем включает в себя также сравнение и сопоставление их структурных и функциональных особенностей. Здесь рассматриваются основания дифференциации этих систем, и строится их типология. В результате их сравнения могут быть установлены, в частности, различия между системами, ориентированными на пространственный и временной каналы связи, и соответственно, основания для различения *семиологии пространства и семиологии времени*.

Выявление особенностей знаковых систем может приближать семиологическую теорию к их семиографическим исследованиям. Так происходит в случаях, когда «форма», заданная знаковыми системами, рассматривается с учетом того телесного или психологического «субстрата», на который эти системы ориентированы. Таковы, например, с одной стороны, общее языкознание, а с другой – такие теории невербальных знаковых систем, как кинесика, гаптика, окулесика, проксемика и т. п. (см.: Крейдлин 2002). Эти теории остаются, однако, в рамках семиологии в той мере, в которой они рассматривают общие принципы организации и функционирования знаковых систем своего типа.

Семиология знаковых конструкций тесно связана с теорией знаков и теорией знаковых систем, но имеет основания быть выделенной в самостоятельный раздел. В отличие от теории знаков, ее интересуют не общий механизм знаковой связи, а способы создания из значимых единиц более или менее сложных конструкций – от простейшего высказывания, роль которого в предельном случае может выполнять употребление одного знака, до как угодно сложно организованных сообщений. В отличие от теории знаковых систем, она занимается не «арсеналом» знаковых средств, а схемами их применения при построении знаковых конструкций различных типов. Единицы одной и той же знаковой системы могут быть отобраны и связаны различным образом так же, как и, с другой стороны, одна знаковая конструкция может оказаться гетерогенной, если в ее построении и осмыслении участвует сразу несколько семиотических систем. Поэтому описывающая эти построения теория несводима ни к теории знака, ни к теории знаковых систем и выделяется в особый раздел семиологии.

К знаковым конструкциям, которыми занимается такая теория, приложимо общесемиотическое понятие *текста*. Вышедшее за рамки лингвистики это понятие применяется к знаковым конструкциям, производимым и воспроизводимым в соответствии с правилами как вербальных, так и невербальных знаковых систем – например, к «обряду, производству изобразительного искусства или музыкальной пьесе» (Иванов и др. 1998: 13). Каждый построенный по правилам некоторой знаковой системы текст рассматривается как ограниченная от внетекстовой реальности и от других текстов совокупность знаков, обладающая свойствами синтаксической целостности, семантического единства и прагматической

направленности. Соответственно, как аспекты теории знаковых конструкций могут рассматриваться *синтактика*, *семантика* и *прагматика* (что не исключает возможности говорить об этих трех измерениях семиозиса и в других разделах семиотики знаковых средств).

В ведении *синтактики*, которая занимается соотношениями знаков друг с другом и с целым текстом, оказываются способы построения конструкций разных типов и разной степени сложности. Например, в случае лингвистических текстов такими конструкциями будут отдельные синтагмы, предложения или сверхфразовые образования. В случае нелингвистических текстов синтаксические конструкции могут образовываться, например, в результате значимого расположения в пространстве предметных форм или фигур людей на определенных местах. Синтаксические структуры невербальных знаковых конструкций могут существенно отличаться от вербальных по своей размерности и другим топологическим свойствам (см. ниже: «Пространственные тексты и их специфика»).

Семантика знаковых конструкций рассматривает соотношения текста и смысла – способы смыслообразования и смысловыражения в текстах различных типов. В ее ведении находится, в частности, вопрос о том, каким образом сочетания знаковых единиц с унифицированными значениями могут создавать смысловые конструкции с уникальным смыслом.

Прагматика исследует функции знаковых конструкций в разных условиях их построения и интерпретации, особенности их отношения к внетекстовой реальности в различных областях деятельности. Прагматика знаковых конструкций рассматривает их как средства, создаваемые в целенаправленных коммуникативных действиях, и исследует зависимость их структуры от функций, для которых они создаются.

Взаимоотношения между знаковыми средствами разных типов могут составить предмет следующего раздела семиологии – *теории семиосферы*. Поскольку вся культура в различных ее проявлениях входит в сферу применения знаковых средств, теория этой сферы может рассматриваться как *семиотическая теория культуры*. В теории семиосферы могут быть выделены, по крайней мере, три связанных, но различных аспекта исследований, каждый из которых развивает один из трех предыдущих разделов семиологии знаковых средств: теория коннотаций – как развитие теории знаков и значений; теория гетерогенных текстов – как развитие теории гомогенных знаковых конструкций; теория взаимодействия знаковых систем – как развитие общей теории знаковых систем.

В *теории коннотаций* исследуются такие способы смысловыражения, которые допускают неоднозначное толкование одного и того же носителя смыслов – от легких сдвигов значений в рамках качественно одной и той же знаковой системы до совместного использования для его интерпретации семиотических систем самых разных типов. В частности, в этой теории вводится понятие *символа* как такой значимой единицы, в осмыслении которой участвуют сразу несколько семиосистем, и которая приобретает поэтому, помимо прямых денотативных, дополнительные коннотативные значения.

В теории *гетерогенных знаковых конструкций* рассматриваются способы построения сложных текстов: «гипертекстов» (например, компьютерных), составленных из разнотипных знаков, и «многослойных» смысловых образований, полученных за счет соотнесения одного текста сразу с несколькими знаковыми системами и наделения его символической структурой. Здесь выявляются различные формы соотношений текстов друг с другом – проникновение «интекста» в синтаксическую конструкцию текста, «интертекстуальность» как соотнесенность текста с другими текстами и т. п.

В теории *взаимодействий знаковых систем* изучаются возможности их совместного участия в актах порождения и интерпретации гетерогенных и символически осмысляемых текстов. Здесь анализируются разные типы соотношений между ними: включение и исключение, совмещение и замещение, субординация и координация, возможность различения «первичных» и «вторичных» знаковых систем, а также схемы исторических изменений их

соотношений: конвергенции и дивергенции, формирования синкретических и синтетических комплексов.

Наряду со структурной организацией взаимодействия знаковых средств, в теории семиосферы рассматриваются и функции этого взаимодействия в культуре, его роль в формировании индивидуального и коллективного сознания, его особенности в коллективах разных типов и т. п. Такая теория допускает семиософские интерпретации, например, концепцию культуры как сферы взаимодействия знаковых систем, с помощью которых производятся и воспроизводятся знаковые конструкции разных типов.

С другой стороны, в рамках теории семиосферы может быть выделен более конкретный уровень – теоретическое моделирование отдельных областей культуры, рассмотренных с учетом особенностей использования в них знаковых систем разных типов и характерных для этих областей знаковых конструкций. Эта, более конкретная, часть семиотики культуры расчленяется на отдельные ветви: *семиотику мифа, семиотику религии, семиотику искусства, семиотику науки, семиотику социального поведения, семиотику предметной среды* и т. п. Каждая из них способна порождать дальнейшие разветвления. Например, в рамках семиотики искусства могут различаться *семиотика литературы, семиотика музыки, семиотика архитектуры, семиотика живописи, семиотика кино* и т. п.

В отличие от приведенных выше разделений семиологии знаковых средств (теории знаков, теории знаковых конструкций, теории знаковых систем), последние дистинкции связаны с различениями уже не только этих средств, но и тех областей коммуникации, в которых они используются. Тем не менее все названные разветвления семиотики культуры будут оставаться в сфере семиологии в той мере, в какой они не сводятся к семиографии конкретных знаков, символов и построенных из них конструкций, а формулируют общие принципы использования знаковых средств в своей области и позволяют ее семиологически переосмыслить.

Хотя семиотика, в силу отмеченной выше направленности на выявление общего, имеет тенденцию исследовать, прежде всего, стабильно воспроизводящиеся системы со стороны их структуры и устойчивых функций в плане синхронии, она может своими средствами анализировать и динамику отношений между знаковыми системами. Как общие, так и более конкретные разделы теории семиосферы могут рассматриваться и в диахроническом аспекте, со стороны генезиса этих средств и изменения соотношения между ними в ходе истории культуры. Соответственно, все эти разделы, взятые в своем историческом аспекте, могут составить предмет *диахронической теории семиосферы*, в задачу которой войдет выявление динамики связей между знаковыми средствами различных типов и уровней и поиск закономерностей в изменениях их соотношений. Контуры такой теории можно найти в ряде работ Ю. М. Лотмана: «Культура и взрыв», «Динамическая модель семиотической системы», «О динамике культуры» и др. (см.: Лотман 2000).

Как одна из областей семиотики культуры могла бы трактоваться и «*антропоморфная семиотика природы*», изучающая семиотические средства, используемые человеком при интерпретации природных явлений как текстов, несущих определенные культурные смыслы. Однако можно понимать «семиотику природы» и по-другому, уже не соотнося природные процессы со смыслами, которыми они наделяются в различных сферах культуры, а находя в них принципы организации, сближающие их с процессами знаковой связи. Выявлением таких принципов может заниматься «общая семиология», по отношению к которой «семиология знаковых средств» окажется лишь одним из ее частных разделов.

Общая семиология

В предметную область общей семиологии, помимо знаков в узком смысле, войдут сигнальные, индексальные и вообще кодовые средства информационной связи. Поэтому вместе с теорией знаков, трактуемых как особые средства человеческой деятельности, в рамках общей семиологии может быть выделен и другой ее частный раздел – теория сигналов и индексов, имеющих более широкое распространение. И те и другие, в отличие от условных знаков, всегда сохраняют связь с ситуацией, в которой они предъясняются. Сигналы всегда вызывают реакцию на наличную ситуацию, индексы тоже всегда указывают на то, что тем или иным образом причастно к ситуации их появления. Ни те, ни другие не требуют от принимающей их системы способности связывать их с чем-то, что от этой ситуации отделено и может быть дано только в мысли. Поэтому есть основания различать средства сигнально-индексального и знакового уровней информационной связи.

Общим между ними в то же время остается то, что все они служат посредниками в тех информационных процессах, где происходит кодирование и декодирование информации, а значит, участвуют и семиосистемы, или коды, которые эти процессы регламентируют. Это общее позволяет рассматривать и сигнально-индексальные, и знаковые средства в рамках общей семиологии, которая предстает при этом как *теория кодовых средств информационной связи*.

Фундаментальное значение в такой теории приобретает переосмысленное самым общим образом понятие *информации*, трактованное не количественно, а качественно. В соответствии с внутренней формой этого латинского термина, информация при этом трактуется как «внесенная форма», точнее – как результат детерминации отношений отношениями (см.: Чертов 1993. Гл. 1). Такая детерминация может происходить, во-первых, в результате прямого переноса структуры на другой носитель, например, в оттиске, а во-вторых, за счет более или менее сложной системы кодирования или декодирования. Если в первом случае кодовое опосредование не требуется, то во втором случае для получения информации нужна некоторая *протоинформация*, то есть «форма», уже внесенная в систему предварительно тем или иным образом (ср. понятия «форма выражения» и «форма содержания» в концепции Л. Ельмслева). Именно этот случай и составляет предмет обобщенной семиологии, если в него включаются вообще любые кодовые механизмы информационной связи. В ее сферу тогда войдут самые разные семиотические системы, способные связывать «информацию» и «протоинформацию», форму, вносимую *a posteriori* и форму, которой приемник уже владеет *a priori*.

По отношению к такой «общей семиотике», которая изучает любые способы получения информации с помощью «протоинформации», «семиотика знаковых средств» оказывается более специальной дисциплиной, распространяющейся на те случаи, когда информация передается с помощью знаков в узком смысле, а «протоинформация» включает в себя значения как «обобщенные и обобществленные» в культуре схемы их осмысления. Такой же специальный характер будет иметь и «семиотика сигналов и индексов». Различение этих разделов семиотики позволяет не смешивать знаковый уровень информационной связи, который появляется в человеческой деятельности, и сигнально-индексальный уровень кодирования и декодирования, доступный информационным процессам в биологических системах и технических устройствах. В то же время сравнение семиосистем разных уровней в рамках общей семиологии позволяет не только различать их, но и рассматривать их взаимодействие. На этой основе «семиосфера культуры», в которой ключевую роль играют знаковые средства деятельности, может быть сопоставлена с «семиосферой природы», где информационные процессы опосредованы кодами сигнально-индексального уровня.

Таким образом, в общей семиологии знаки оказываются одним из типов семиотических средств; знаковые системы рассматриваются как частный случай кодов; понятие знаковой конструкции включается в обобщенное понятие текста, мыслимого как образование, содержащее семиотические средства разных типов; понятие коммуникации охватывается понятием информационной связи; «понимание» (как воспроизведение смысла) включается в более широкое понятие интерпретации (как соотнесения текста с чем-то иным в соответствии с нормами некоторого кода). Поэтому обобщенная семиология может иметь строение, сходное с уже рассмотренным строением семиологии знаковых средств.

Как общая теория информационного опосредования она специализируется на его типах и выясняет основания, на которых различаются способы и уровни информационной связи. В такой *теории типов опосредования* сигналы, индексы и знаки сопоставляются друг с другом как разные типы семиотических средств.

В другом разделе общей семиологии сопоставляются уже не единичные посредники разных типов, а типы семиотических систем, в которые они включены. Это будет уже *общая теория кодов*, исследующая различия в организации семиосистем разных типов и уровней.

В *общей теории текстов* будет производиться расширение понятия текста, позволяющее говорить не только о текстах культуры, но и о текстах природы, соотнесенных с естественно возникающими сигнальными и индексальными системами опосредования информационных процессов.

В *общей теории семиосферы* проводится обобщение этого понятия и включение в него любых систем, использующих какие-нибудь способы опосредования информационной связи. По аналогии с теорией семиосферы знаковых средств, в общей теории семиосферы также можно различать разделы, специализирующиеся на: (1) взаимодействиях разнотипных семиотических единиц; (2) взаимодействиях кодов знакового и сигнально-индексального уровня; (3) на соотношениях между текстами разных типов (природными и культурными).

Построенная таким образом обобщенная семиология получает единый аппарат понятий, с помощью которых она сможет соотноситься с науками и о природе, и о культуре. С помощью такого понятийного аппарата мог бы строиться диалог между антропо-социо-семиотикой, с одной стороны, и зоо- и биосемиотикой – с другой.

Для семиотических исследований человека и общества развитие общей семиологии представляет особый интерес, поскольку позволяет ставить вопрос о том, как происходит в мире человека столкновение между «большой» семиосферой природы, включающей его вместе со всеми живыми существами, и «малой» семиосферой культуры, где складываются собственно человеческие значения и смыслы. При этом знаковые системы, изучаемые семиотикой культуры, во-первых, предстанут уже в несколько ином ракурсе, а во-вторых, они могут быть сопоставлены с рядом систем сигнально-индексального типа, которые возникают в природе, но включаются затем в семиосферу культуры и подвергаются в ней определенным трансформациям. Таковы, например, синестетические коды, которые возникают в психических процессах еще на биологическом уровне, но преобразуются в культуре, наделяются коммуникативными функциями и вовлекаются в сферу искусства. Широкое понимание предмета семиологии и связанное с ним расширение понятия «семиосфера» позволяет исследовать подобные переходы от природы к культуре на основе единой системы понятий.

Сфера общей семиологии может быть расширена еще больше, если вместе с кодовыми способами информационного опосредования в ее предмет будут включены и некоторые внекодовые средства связи. К ним относятся, в частности, иконические модели, примером которых могут служить искусственно создаваемые изображения разного рода. Последние способны выполнять функции репрезентации объектов и коммуникации между субъектами, подобно знакам, но отличаются от них тем, что репрезентируют объект за счет сходства с ним своей внутренней структуры, а не за счет протоинформации, усваиваемой адресатом сооб-

щения вместе с кодом. Хотя такие средства не согласуются с принципами произвольности знаков и линейности означающего, выдвинутыми в семиологии Ф. де Соссюра, они предусмотрены в других семиологических проектах. В семиотике Ч. Пирса и Ч. Морриса они присутствуют как «иконические знаки»; в концепции Ю. М. Лотмана, наряду с дискретными знаками, они рассматриваются как один из двух важнейших типов информационных средств для семиосферы культуры. Семиология, включающая в свой предмет изучение специфики таких моделей и их соотношения с кодовыми средствами информационной связи, оказывается в таком случае общей теорией средств коммуникации и репрезентации.

Таким образом, проект семиологии как науки об общих принципах организации знаковой связи и сопоставимых с ней способах информационного опосредования может быть рассмотрен не только в ретроспективе отношений со своими исторически возникавшими версиями, но и в перспективе своего дальнейшего развития.

Семиотика и гуманитарные науки²

Отношение гуманитарного знания к семиотике двойственно. Его естественный интерес к ней сочетается с опасением утратить свое отличие от точных наук. Причисленная к последним семиотика, однако, практически не пользуется количественными методами, в отличие, скажем, от кибернетики и теории информации, вместе с которыми она появилась на горизонте гуманитарного знания. Но основание сближать семиотику с точными науками и противопоставлять ее гуманитарным все-таки есть. Таким основанием служит разница в их отношениях к моменту субъективности в предмете и методе.

Подобно точным наукам и естествознанию, семиотика изначально не была настроена включать субъективность в свой предмет, делая им не психическое состояние пользующихся знаками людей, а преимущественно бессознательно используемые механизмы знаковой связи, их объективные логические или грамматические структуры и функции. Как и точные науки, она нацелена на исключение субъективности и из своего метода, полагая, что его грамотное использование должно приводить к однозначным результатам, не зависящим от личности исследователя.

В гуманитарном знании, напротив, субъективность принципиально неустранима ни из предмета, ни из метода. Оно не может не включать в свой предмет субъективные смыслы, вкладываемые людьми в результаты своей деятельности, так же как не может исключать из метода понимание этих смыслов субъектом – исследователем, сама личность которого становится познавательным «инструментом», влияющим на результат. Условием объективного познания здесь служит субъективное понимание. Эта субъективность в «науках о духе» двойная: в них, как отметил М. Бахтин, действует не один, а два «духа» – изучаемого и изучающего, причем они не должны сливаться в один дух (см.: Бахтин 1979: 349). Исчезновение дистанции между ними сводит их диалог к монологу, в котором остается либо голос исследуемого, не нашедший осмысления извне, либо только голос исследователя, навязывающего свою произвольную интерпретацию.

Условием адекватного понимания и препятствием для произвольного толкования изучаемого в гуманитарных науках, в свою очередь, служит объективное познание. Таким образом, зависимость познания и понимания в них оказывается взаимной. Если без субъективного понимания они не могут быть гуманитарными, то без объективного познания они не могут быть науками, отличными от мифа, искусства или идеологии. Как и для всяких других, для гуманитарных наук значимо различие между истинным и ложным, знанием и заблуждением, фактом и вымыслом. Подобно естественным наукам, они способны отделять дескриптивное от нормативного, производить анализ и обобщение фактов, выявлять их связи и закономерности. Единственное, в чем они не могут последовать за естествознанием, не утратив своей специфики, это полное игнорирование субъекта, исследуемого и исследующего. Объективное познание и субъективное понимание в них не могут обходиться друг без друга.

Из этой двойственности гуманитарного знания – познающего и понимающего, объективного и субъективного – проистекает и двойственность его отношения к семиотике. Как наука, нацеленная на анализ и систематизацию своего предмета, оно не может пройти мимо теории знаков, которая как раз и занимается систематизацией того, с чем повседневно имеет дело любая гуманитарная наука. Достаточно вспомнить, что даже «самая неточная из всех неточных наук» – эстетика – уже по замыслу ее создателя А. Баумгартена должна

² Опубликовано в сб.: *Философия гуманитарного знания. Русская академическая традиция и современность. Тезисы научной конференции.* Санкт-Петербург. 24–26 ноября 1997 г. СПб. 1997: 74–77.

была включать в себя «семиотику» как науку о знаках в искусстве. Одна из ранних попыток построения систематической теории знаков принадлежит ученику Баумгартена – Г. Майеру, который, однако, рассматривал ее как герменевтику – науку о способах нахождения значения знаков (Meier 1757). Едва заметное у Майера различие между теорией знаков и герменевтикой, понятой как искусство их толкования, оказалось в дальнейшем гораздо более серьезным после того, как первая была осмыслена логиками (Ч. Пирсом, Г. Фреге, Р. Карнапом и др.), а вторая была осмыслена как ядро гуманитарного знания (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Г. Гадамер и др.). В этом расхождении особенно наглядно проявилась двойственность отношения гуманитарных наук к теории знаков.

Казалось бы, семиотика и герменевтика занимаются почти одним и тем же – выясняют способы связи знаков со значениями, текстов со смыслами. Но семиотика, получившая антипсихологическую, антименталистскую «прививку» в работах логиков и следовавших за ними лингвистов, оказалась нацеленной на поиск общих правил и структурных инвариантов, единых для разных интерпретаторов. В разных вариантах «семантических треугольников» присутствует, как правило, лишь один интерпретатор, безразлично, понимающий или понимаемый, поскольку само их несовпадение оставляется за рамками теории. В этом видна монологическая ориентация семиотики, которая интересуется не субъективными процессами понимания чужого сознания, а объективными структурами и функциями участвующих в этих процессах знаковых систем. На эти системы семиотика смотрит извне как на «языки – объекты», подвергаемые научному анализу.

Совершенно иначе ориентирована герменевтика. Она изначально исходит из различия осмысляющих текст субъектов и сосредоточивается на проблеме понимания. К языку и знаковым конструкциям она подходит не извне, а изнутри, со стороны субъекта. Для нее язык – не объект анализа и даже не средство общения, а та среда, в которой живет сознание каждого субъекта, и погружение в которую дает возможность найти контакт с другими сознаниями. Отсюда и еще одно отличие герменевтики от семиотики: дискурсивно фиксируемым конвенциональным знакам она противопоставляет интуитивно постигаемые естественные символы, приоткрывающие бесконечную перспективу смыслов. Изучающая эти смыслы «символология» опирается не на внешнее познание объектов, а на внутренний опыт понимания субъектов; она не наука, как семиотика, но «инонаука» (С. С. Аверинцев).

В этой полярности семиотического и герменевтического, научного и «инонаучного» подходов к осмыслению знаков присутствует момент не только взаимного отталкивания, но и потенциал тяготения друг к другу. Герменевтика не только бросает вызов семиотике, но еще и ищет пути для сотрудничества с ней. Со своей стороны, семиотика не замыкается в рамках синтактики и семантики, абстрагированных от процессов понимания, но и развивает свой взгляд на эти процессы в рамках прагматики – семиотической параллели риторике и герменевтике.

Вообще, вместе с процессом «семиотизации» некоторых областей гуманитарного знания можно наблюдать и обратное движение к «гуманитаризации» семиотики. От чистой теории знаков, возникшей в работах по основаниям математики и логическому анализу языка науки, фокус ее внимания сместился к прикладным аспектам, связанным с изучением различных языков культуры, используемых в мифе, ритуале, искусстве и других ее областях. Появилась «семиотика культуры» с соответствующими разделами («семиотика мифа», «семиотика искусства» и т. д.). Такое соприкосновение с традиционными сферами гуманитарных исследований не было механическим приложением готового аппарата понятий к новому предмету, но потребовало его модификации. Стало ясно, что система понятий, сложившаяся в анализе языка науки не может быть механически перенесена на анализ языка искусства, что описание системы следующих друг за другом во времени сигналов непригодно для описания знаковых конструкций, разворачивающихся в трехмерном пространстве

и т. д. Подобные несоответствия могут стать поводом для новой фазы взаимного отталкивания семиотики и гуманитарных наук.

Однако возможен и иной путь их взаимоотношения – не возведение новых, а преодоление старых барьеров между ними. Гуманитарное знание если и не должно, то, во всяком случае, может быть достаточно строгой наукой. Со своей стороны, семиотика совсем не обязательно должна всегда сохранять ту форму, которую она приобрела в работах логиков и лингвистов и вполне может принять формы, более органично связывающие ее с гуманитарными науками.

Семиотика пространства: от «круглого стола» к общей теории³

Об истоках семиотики пространства

Семиотика пространства – сравнительно новая научная дисциплина, заявившая о себе несколько десятилетий назад, когда понятия теории знаков стали интенсивно применяться для описания разнообразных пространственных носителей значений. Однако она имеет достаточно глубокие корни в целом ряде наук о культуре, традиционно рассматривающих пространственные средства выражения смыслов. В этот ряд входят эстетика и искусствоведение, этнография и фольклористика, история и археология, теория архитектуры и градостроения и др. Каждая из этих дисциплин развивает свои представления о пространственных знаках и символах и дает свои основания для семиотики пространства.

Когда в конце XIX века «науки о культуре» были осознаны в своем отличии от «наук о природе» (Виндельбанд, Риккерт, Дильтей и др.), понятие пространства, имевшее уже до того свою долгую историю в натурфилософии, математике и физике, подвергается серьезному переосмыслению. Пространство вместе со временем теперь начинает пониматься как форма бытия не только физических объектов, но и жизни субъектов культуры – человека и общества. Э. Кассирер связывал перевод этих категорий из естественнонаучной в культурологическую плоскость с переходом от чисто онтологической, предметной, характеристики того, что пространство и время *есть*, к выявлению сущности того, что они *значат* для субъекта (Cassirer 1985: 93).

Начало такого переосмысления Кассирер относил к 1893 году, в котором появилась книга немецкого скульптора и теоретика искусства А. Гильдебранда «Проблема формы в искусстве» (см.: Гильдебранд 1991). В отличие от естествоиспытателей, Гильдебранд задавался вопросами не о «форме бытия» пространства, а о «форме воздействия» его на сознание субъекта. По мысли исследователя всякая пространственная форма, изобразительная или неизобразительная, может приобрести достоинство художественного произведения только тогда, когда ее «форма бытия» преобразована в «форму воздействия», ориентированную на определенное зрительное впечатление. Соответственно, и подлинное «видение» художественной формы не может оставаться пассивным «рецептивным» восприятием, но должно превратиться в активную «продуктивную» работу сознания, сопоставимую с чтением (см.: Там же: 91). «Мы исходили из способности человека читать по оптическому образу пространственные свойства природы, – пишет Гильдебранд. – Мы это коротко обозначим видением, подобно тому, как мы говорим, что ребенок только тогда может читать, когда при взгляде на буквы у него возникает представление живого слова» (Там же: 59). Однако в пространственных искусствах читаются не буквы, а формы и пространство; их «чтение» есть соотнесение этих видимых объектов с определенными значениями, в роли которых оказываются разнообразные когнитивные и двигательные образы. Носители этих значений в разных искусствах могут различаться: в скульптуре это, прежде всего, пластическая форма, в архитектуре это межпредметное пространство (ср.: Schmarsow 1905: 180–184).

Книга Гильдебранда дала толчок для пристального анализа пространственных форм выражения и изображения в различных видах искусства в разных культурно-исторических

³ Полный текст публикуется впервые. Тезисы опубликованы в сб.: Проблемы и перспективы междисциплинарных фундаментальных исследований / Материалы Второй научной конференции Санкт-Петербургского союза ученых 10–12 апреля 2002 г. СПб. 2002: 89–90.

условиях. Однако эстетика и искусствоведение уже задолго до того занимались анализом разнообразных пространственных носителей смыслов. Именно эстетике принадлежит приоритет в постановке вопроса о соотношениях различных форм пространственного выражения друг с другом и с временными средствами смысловыражения. В XVIII веке в работах Дюбо, Харриса, Мендельсона, Лессинга, Гердера и других эстетиков эпохи Просвещения рассматривалась актуальная и для сегодняшней семиотики проблема различий между носителями значений: пространственными и временными, видимыми и слышимыми (см.: Дюбо 1976: 221–224; Гердер 1959: 157–191; Лессинг 1957: 186–187; 460–461; Bendavid 1799: 249; 259–261; Mendelson 1929: 177).

Однако противопоставление пространственных и временных средств смысловыражения предполагало возможность их сопоставления на некоторой общей основе, в качестве которой все более применяется широкое понятие языка. Так, в эстетике Романтизма встречается противопоставление языка дискурсивных знаков языку интуитивно постигаемых и открытых зрительному восприятию пространственных символов (см., например: Гёррес 1987: 77; Шлегель 1983: 158; Creuzer 1810: 23–30).

Развивая идеи предшественников, уже в середине XIX века архитектор и искусствовед Готфрид Земпер полагал, что искусствоведение и теория архитектуры должны двигаться в сторону лингвистики и изучать «словарь» и «синтаксис» того специфического языка, на котором говорят архитектура и предметная среда (см.: Земпер 1970: 165–166; 217–233; Semper 1863: 80–81). Аналогия между пространственными искусствами и языком постоянно присутствует и в работах многих других искусствоведов. У Ригля и Вёльфлина, например, она проводится между речевыми средствами разных народов и разнообразными способами художественного восприятия пространства в искусстве разных исторических эпох и стилей. Идее Г. Земпера о естественной обусловленности пространственных форм их материалом и техникой изготовления А. Ригль противопоставил идею зависимости стиля от духовных факторов, которые он объединил в понятии «художественная воля». Последняя определяет предпочтение тех или иных способов восприятия пространства, которые имеют свою культурную историю, и эта история способна стать предметом специальной «исторической грамматики» языков пространственных видов искусства (см.: Riegl 1893; 1901; 1966). Свою версию культурно-исторических изменений «форм видения», присущих пространственным искусствам разных народов и исторических периодов, развивал и Г. Вёльфлин, который так же связывал эти изменения с преобразованиями пространственного языка. Искусство в ходе своего развития не только изображает разное содержание, но в нем «изменяется сам язык со стороны грамматики и синтаксиса» (Вёльфлин 1930: 266).

Этот «синтаксический» подход развивает параллель пространственных искусств лишь с одной из сторон языка – с его «планом выражения». Аналогия с языком, однако, не менее значима и для тех искусствоведов, которые делали акцент на второй его стороне – «плане содержания» – и рассматривали искусство как особый способ выражения смыслов. Так, Э. Панофский противопоставил в своей «иконологии» чисто формальному анализу художественных произведений изучение их семантики на нескольких уровнях интерпретации (см.: Panofsky 1964: 95). Он исследовал символические значения не только изображаемых фигур, но и самого пространственного строя их перспективных построений (Панофский 2004). Мысль о перспективе как символической форме была близка и П. А. Флоренскому, который также связывал пространственный строй изображения с символическим выражением миропонимания художника и сделал анализ пространственности в художественных произведениях предметом глубокого изучения (см.: Флоренский 1993а, 1993б). Оба мыслителя, оставаясь связанными с традициями гуманитарного знания, в то же время близко подошли к позициям семиотиков, имевших основания рассматривать их как своих предшественников (см.: Иванов 1999: 706–740; Лотман 1986: 5–6; Bialostozky 1980: 13; Hassenmueller 1978: 289).

Изучение синтактики и семантики пространства в художественных произведениях составляют, однако, лишь часть многочисленных исследований о пространственных средствах смысловыражения, проводимых в различных областях «наук о духе». В работах этнографов, археологов, историков культуры и представителей других сфер гуманитарного знания собран обширный материал о символических функциях пространственных отношений, об их способности играть роль универсальных классификаторов, особенно в дописьменных культурах, где с их помощью осмысляются все социальные связи и природные явления, и где каждый предмет, человек или коллектив характеризуется тем «естественным местом», которое он имеет в пространстве (см., в частности: Ван Геннеп 1998: 19–24; Гуревич 1972: 43; Дюркгейм и Мосс 1996: 48–56; Леви-Брюль 1930: 82; Леви-Строс 1984: 105; Элиаде 1994: 28–45; Cassirer 1925: 118).

Вместе с системой пространственных мест и направлений подобные символические и языковые функции были выявлены и у предметных форм. Еще на пороге XX в. Эмиль Зеленка рассматривал «язык одежды» как один из универсальных, имеющихся у всех народов, языков (см.: Selenka 1900). Позднее [1937] П. Г. Богатырев описывал знаковые функции народного костюма (Богатырев 1971; Bogatyrev 1976). «Необходимо научиться читать эти знаки (костюмы) так же, как мы учимся читать на других языках и понимать их», – писал этнограф (Богатырев 1971: 344). Такими же знаками, по его мысли, могут быть и другие предметы, имеющие практическое назначение: орудия труда, домашняя утварь, жилище и т. п. Как и одежда, они говорят своим внешним видом о сословной, религиозной, национальной или региональной принадлежности своих владельцев (Там же: 363). Идея «языка вещей» и его особой «грамматики», не совпадающей с «поэтикой» пространственных искусств, обдумывалась в середине 20-х годов и А. Г. Габричевским (см.: Габричевский 2002: 31–39).

В широком культурно-историческом контексте и по-иному идея языка пространственных форм рассматривалась в философии культуры. Согласно О. Шпенглеру, каждая культура имеет свой специфический «язык форм», в основе которого лежат некоторые исходные пространственные «прасимволы». Если, например, для египетской культуры таким «прасимволом» была вытянутая в глубину пространства горизонталь «пути», то для античной культуры это уже замкнутая телесная масса, а для новоевропейской – открытое бесконечное пространство (см.: Шпенглер 1993. Гл. 3).

С особой тщательностью переосмысление категории пространства как понятия гуманитарного знания и выявление его символических функций было осуществлено Э. Кассирером (см.: Cassirer 1923–1929, 1985). В своей «Философии символических форм» он перешел от устоявшегося «натурфилософского» к новому «культурфилософскому» взгляду на проблему пространства. Моментом, отличающим культурологический анализ категории пространства от естественнонаучного, Кассирер полагает связь пространства и смысла. Первичной и основной при этом становится символическая функция пространственных объектов, которая уже определяет их структуру, появляющуюся только вместе с конкретным содержанием и лишь при определенном способе осмысления. «Смотря по тому, будет ли оно мыслиться как мифический, как эстетический или как теоретический порядок, – пишет Кассирер, – изменяется также и “форма” пространства» (Кассирер 2011: 91).

Структура мифологического пространства, например, принципиально отличается в целом от структуры пространства евклидовой геометрии или от физически-эмпирического пространства. Мыслимое мифологическим сознанием антропоморфное пространство неоднородно, поскольку каждое место в нем наделяется своими особыми качествами и смыслами. Оно анизотропно, поскольку своими смыслами различаются и разные направления: подъем имеет смысл, обратный падению, движение влево оценивается иначе, чем движение вправо и т. д. Оно не обладает свойством бесконечности математического пространства,

а наоборот, ограниченно и т. п. При этом мифологическое пространство сходно с геометрическим тем, что задает свои собственные схемы связей между элементами (Cassirer 1925: 105–107). То же самое можно сказать и о языковых, и о художественных схемах пространства.

Соотношение между пространственной структурой и ее осмыслением регулируется символической функцией, понимаемой Кассирером достаточно широко, включая не только условную связь знака со значением, но и выразительные и изобразительные функции «символической формы». Все эти виды символической функции могут выполняться пространственными структурами раздельно или совместно. Одна и та же конфигурация линий, например, может быть по-разному увидена и интерпретирована. В зависимости от того, каким способом она будет осмысляться, она может трактоваться как абстрактная геометрическая фигура, как художественный рисунок, как наполненный мифологическими смыслами магический знак и т. п. В каждом из этих случаев вместе с «функцией осмысления» изменяется как содержание, так и несущая его пространственная структура объекта.

Раскрывая пространство как специфическую систему символизма, в которой оно служит естественным посредником между чувственно воспринимаемыми явлениями и мысленным содержанием, Кассирер не только вплотную подошел к порогу структуралистских семиотических исследований, но и задолго до ее вычленения в самостоятельную область начал разрабатывать проблематику семиотики пространства.

В середине XX века выражение смысла в пространственных формах начинает изучаться с помощью собственно семиотических методов. Еще в 30-е годы представители Пражской лингвистической школы осознанно применяли лингвистический метод Соссюра к различным сферам «наук о духе», в частности – к исследованию предметной среды, архитектуры и других пространственных искусств (см.: Мукаржовский 1994; Prague School 1976). В том же ключе рассуждали позднее и французские структуралисты, У. Эко и др. (см.: Леви-Строс 2001; Барт 1989, 2000, 2003; Эко 1998). Изучение пространственных способов выражения смыслов с помощью семиотических понятий с разных сторон подводило к идее *семиотики пространства* как особой области науки о знаках.

С одной стороны, участие пространственных отношений в формировании культурных смыслов стали изучать лингвисты и филологи, распространявшие семиотические методы на исследование других областей культуры. В частности, в работах тартуско-московской школы предметом семиотического анализа стали системы пространственных представлений не только в мифе, фольклоре или литературе, но и в изобразительном искусстве, организации жилища и поселений (см. наприм.: Иванов 1986; Иванов и Топоров 1965, 1977; Лотман 1992, 1998; Неклюдов 1972; Топоров 1965, 1971, 1983, 1984; Цивьян 1973, 1978 и др.).

Системы изобразительных и символических средств в древнерусской иконописи и западноевропейской живописи были проанализированы Б. А. Успенским, который находил в них аналоги фонологического, лексического и грамматического уровней (Успенский 1965, 1970, 1971, 1995). Ю. К. Лекомцев, рассматривая средства «языка живописи» с помощью лингвистических понятий, находил функциональное сходство между мазками в живописном произведении и слогами в вербальной речи, между цветовыми и тоновыми пятнами на картине и фонемами языка, между композицией этих пятен на плоскости картины и порядком синтаксических единиц в предложении и т. п. (см.: Лекомцев 1969: 457). В другой работе он считал возможным говорить не только об «одномерном» синтаксисе вербального языка, но и «о трехмерном синтаксисе языка скульптуры, двумерном синтаксисе языка живописи и т. д.» (Лекомцев 1983: 85).

Ю. М. Лотман, обобщая исследования в различных сферах семиотики пространства, констатировал, что «пространственная организация есть одно из универсальных средств

построения любых культурных моделей» (Лотман 1986: 4; см. также раздел «Семиотика пространства» в кн.: Лотман 1992).

С другой стороны, к идее семиотики пространства подходили исследователи архитектуры и градостроительства, пытавшиеся осмыслить их выразительные возможности с помощью семиотических и лингвистических понятий. Так, Д. Прециози, выявляя элементы «архитектонического кода», пришел к выводу о том, что, несмотря на резкие отличия в материале, структуре и особенностях функционирования, «архитектонический и лингвистический коды имеют ряд важных коррелятивных свойств» (Preziosi 1979: 66). В архитектурном коде так же можно найти разделение на означающие и означаемые, обнаружить «двойное членение» означающих, где уровень сопоставимых с морфемами «фигур» отличается от уровня сопоставимых с фонемами «форм». Единицы каждого из уровней способны выстраиваться в сложные пространственные конструкции, подобно тому, как морфемы выстраиваются в слова, слова – в предложения и т. д. (Там же: 59–69). Аналогичным образом У. Эко показал, что в архитектурном коде можно найти единицы плана содержания («семемы») и плана выражения («морфемы»), в которых могут быть вычленены также и дифференциальные признаки, образующие единицы следующего уровня семиологического анализа (см.: Eco 1971: 682–684). Элементы «двойного членения» в языке архитектуры выделял и Д. Кёниг, предложивший называть «хоремой» и «архемой» единицы архитектурного кода, которые соотносятся между собой как, соответственно, «морфема» и «фонема» в вербальном языке (см.: König 1971: 386).

Анализ архитектуры и градостроительства с помощью понятий семиологии стал предметом многих исследований, трактовавших его с различных методологических позиций (см.: Барт 1971; Барабанов 1998; Дженкс 1985; Маркузон 1970, 1979; Пеллегрино 1999; Мунтаньола 1999; Шоай 1967; Dreyer 1979; Lagoroulos 1993 и др.). На этой основе в самостоятельную отрасль выделилась *семиотика архитектуры* как наиболее разработанный раздел семиотики пространства (см.: Dreyer 1984; Krampen 1974, 1996). В то же время разноголосие исследований, вовлеченных в сферу семиотики пространства, с новой остротой поставило вопросы о ее специфике и отношениях со смежными областями (см.: Lagoroulos 1998).

Таким образом, участие в формировании семиотики пространства приняли представители самых разных областей гуманитарного знания, по-своему заинтересованных в ее формировании: филологи и лингвисты, этнографы и социологи, историки и теоретики культуры, теоретики архитектуры и градостроения и др. Не удивительно, что на ранней стадии своего формирования семиотика пространства складывалась как полидисциплинарный комплекс исследований, которые не сливались в единую науку. К этому комплексу вполне применима характеристика, данная Ежи Пёльцем семиотике вообще: это скорее «круглый стол», за которым встречаются представители различных дисциплин, имеющих дело со знаками, нежели единая наука со своим концептуальным аппаратом (см.: Пёльц 1983: 140).

О перспективах семиотики пространства

Чтобы сложиться в самостоятельную научную дисциплину семиотика пространства должна выстроить свою собственную систему понятий и с их помощью более точно определить свой предмет. Этот предмет не тождествен, в частности, предмету многообразных семантических исследований – интерпретаций пространственных носителей значений в рамках психологии, филологии или культурологии, делающих акцент на выявлении значений пространственных объектов, а не способов их выражения. Специфика семиотических исследований состоит в том, что они имеют своим предметом не просто значения пространственных объектов и не просто их внешние формы, но связи между теми и другими, фиксируемые в некоторой семиосистеме.

Исследуя семиотические системы, план выражения которых образуется пространственными носителями, семиотика пространства не ограничивается также и описаниями отдельных символов или даже отдельных семиотических систем. Такие семиографические описания отличаются от исследований семиологического уровня, на котором производятся их обобщения и выявляются принципы организации этих систем, их сходства и различия. *Семиология пространства* выясняет не то, что означают те или иные пространственные формы, а то, как они это делают, каким образом они становятся «носителями» значений. На этом уровне правомерно рассматривать вопросы специфики пространственного семиозиса и разрабатывать аппарат понятий, способных эту специфику выразить.

Не все из понятий, выработанных для анализа семиотических систем иного типа, прежде всего, лингвистических, остаются пригодными для описания пространственного семиозиса. Поэтому формируемый в семиотике пространства концептуальный аппарат неизбежно отличается не только от тех, которыми оперируют иные науки, будь то психология или искусствоведение, но и от понятий, сложившихся для описания других ветвей семиотики.

Формирование семиотики пространства предполагает прояснение вопроса о ее месте в системе общей семиотики, о том, что ее объединяет, а что разделяет с исследованиями других семиотических систем. Как показывает анализ, к ней вполне применимы категории семиотики Пирса и Морриса, рассматривающей знаки в семантическом, синтаксическом и прагматическом измерениях, а также некоторые понятия семиологии Соссюра, исследующей связи между означаемыми и означающими знаковых систем в парадигматическом и синтагматическом аспектах, синхронии и диахронии. Однако для семиотики пространства оказываются уже не релевантны ни принцип произвольности (немотивированности) знаков, ни принцип линейности означающего, выдвинутые в семиологии Соссюра в качестве основополагающих. В самом деле, многие пространственные коды регулируют осмысление не условных знаков, а сигналов и индексов, мотивированных разнообразными объективными и субъективными факторами. Еще более специфичны организуемые ими синтаксические структуры, которые строятся в соответствии с существенно иными топологическими свойствами пространства.

В таком контексте семиология Соссюра и его последователей предстает не как универсальная теория знаковых систем, а лишь как одна из ее ветвей – как «хроносемиотика», семиотика временных носителей значений. Поскольку такая семиология развивалась в поиске аналогий других знаковых систем с вербальным языком, постольку она могла рассматриваться как общая теория знаковых систем и ее специфика как семиотики времени могла оставаться незамеченной. (См., впрочем, кн.: Мартынов 1966: 36–39, где проводится мысль о том, что для всякой знаковой конструкции существенны только временные отношения, и поэтому семиотика может быть только теорией временных процессов; в таком случае семиотика пространства была бы принципиально невозможна.) Но по мере развития семиотики пространства и осознания ею своей специфики она все более вырисовывается как параллельная ветвь науки о знаках, которая исследует механизмы передачи сообщений, ориентированные на иной канал связи и потому имеющие свои особенности.

Такой канал образуется пространственными отношениями, доступными как чувственному созерцанию, так и мышлению. К этому каналу принадлежат отношения соприкосновения и отделения, совмещения и размещения, пересечения и изоляции и т. п. Вместе с количественными отношениями «ближе – дальше», «длиннее – короче», «шире – уже» и пр. они составляют особый класс отношений между сосуществующими объектами, взаимное расположение которых они характеризуют. Совокупности определенных пространственных отношений формируют конфигурации синхронных объектов, и от изменения этих отношений прямо зависят создание, преобразование или исчезновение той или иной конфигурации.

В то же время при изменении отдельных конфигураций строй их пространственных отношений может сохранять некоторые свойства, такие, например, как размерность, непрерывность или дискретность, открытость или замкнутость и др. К такому образованию из переменных пространственных отношений, которое сохраняет некоторую совокупность устойчивых свойств, применимо название «пространство». Поскольку сочетания таких постоянных свойств вариативны, можно говорить о разных *автономных пространствах* – в той мере, в которой они строятся по разным законам.

Понятие автономного пространства применимо и к комплексам реальных физических объектов, и к их идеальным зрительным образам, и к математическим конструкциям, строящимся на концептуальном уровне (ср.: Кассирер 2011; Рассел 1997; Капур 1922). Правоммерно говорить и о разных автономных пространствах, сформированных в соответствии с теми или иными культурными нормами. Пространства картины, письменного текста, театральной сцены или шахматной партии строятся и интерпретируются по разным законам и потому принадлежат к разным типам автономных пространств. Культурные нормы их формирования и осмысления задаются, в частности, разными способами *семиотизации* пространства, то есть его организации по правилам некоторой семиосистемы. Эти правила привносят в пространственные отношения ту семиотическую «форму выражения», которая отличается от ее физической и психической «субстанции», и которая соотносится с определенной «формой содержания» (ср.: Ельмслев 1999: § 13). К форме выражения будут относиться отобранные в семиосистеме значимые пространственные объекты и их синтаксические отношения, а к форме содержания – семантические правила интерпретации тех и других.

Пространственная семиотика вообще и ее семиологический уровень в особенности имеют своим предметом эти *способы семиотизации пространства*. В этот предмет включаются как разнообразные значимые пространственные отношения между формами («выше – ниже», «ближе – дальше» и т. д.), так и конфигурации значимых отношений в самих формах (пропорции вещей, позы людей, их мимика и т. п.) – все, что способно выражать значения с помощью пространственных носителей. И в тех и в других проявляются особенности пространственного семиозиса. Для изучающей их пространственной семиологии становятся базисными такие категории, как *форма, место, положение* и др. Это те универсалии, которые можно найти в грамматике самых разных пространственных кодов.

Отличия способов семиотизации пространства от способов семиотизации времени проявляются, прежде всего, на уровне *синтактики*. Значимые пространственные отношения могут быть конструированы более разнообразными способами, чем хроносемиотические структуры. Они допускают, в частности, различия сразу в нескольких измерениях, разнообразные комбинации симметричных и асимметричных построений и т. д. Описание таких конструкций уже не может ограничиваться лингвистическими моделями и нуждается в разработке моделей, учитывающих специфику пространственного семиозиса. Исследование таких моделей может составить предмет специального раздела пространственной семиотики – *семиотопологии*, которая занималась бы изучением топологических особенностей значимых структур семиотизированного тем или иным способом пространства. В ее рамках могут быть выявлены различия между синтаксическими типами пространственных структур по таким признакам, как однородность и неоднородность, обратимость и необратимость, одномерность и неоднородность, дискретность и непрерывность, открытость и замкнутость и т. п.

Способы семиотизации пространства имеют свою специфику и в плане *семантики*. Для пространственной семиотики особенно значима *психосемантика*, способная выявить своеобразие «психологических адресов», на которые направляются пространственные сообщения, ориентированные на разные когнитивные уровни: сенсорный, перцептивный, аппер-

цептивный, концептуальный, а также на разные моторные и аффективные уровни психики. Хотя предмет психосемантики связан с тем, что Луи Ельмслев отнес бы не к семиотической «форме», а к «психической субстанции», последняя не может не учитываться и на семиологическом уровне пространственной семиотики.

Семиология пространства изучает, прежде всего, синтаксические и семантические средства семиотизации пространства, которые объединяются в разнообразные *пространственные коды*. В ее предмет входит также и изучение результатов этой семиотизации – комплексов пространственных отношений, структурированных и осмысленных с помощью пространственных кодов. Такие комплексы можно рассматривать как *пространственные тексты*. Пространственные коды и тексты взаимосвязаны подобно тому, как связаны язык и речь в лингвистике. Соответственно, пространственная семиология раскрывается как теория способов и результатов семиотизации пространства – т. е. как теория пространственных кодов, с одной стороны, и как теория пространственных текстов, с другой.

Взятая как *теория пространственных кодов* семиотика пространства занимается, прежде всего, анализом внутренней организации каждого из них, его синтактикой и семантикой, то есть задаваемыми им способами структурирования и осмысления пространственных отношений. Она остается на уровне семиографии пока описывает особенности данного пространственного кода, но выходит на семиологический уровень, когда выявляет принципы организации его семиотических средств и сравнивает их с принципами формирования других семиосистем – пространственных и непространственных.

Внешние соотношения разных семиосистем друг с другом могут рассматриваться чисто аналитически – в рамках сравнительного анализа сходств и различий, прежде всего, в областях синтактики и семантики. Соответственно, на семиологическом уровне исследований образуются, с одной стороны, *сравнительная грамматика* визуально-пространственных кодов, а с другой – их *сравнительная семантика*, связанная с исследованием способов их интерпретации. В рамках последней уместно различать три типа репрезентации: сигнально-индексальное и знаково-символическое кодирование, а также иконическое моделирование. Анализ последнего и его связей с кодовыми средствами составляет, в частности, предмет *семиотики изображений*.

Но соотношения между пространственными кодами можно исследовать и в более конкретном – синтетическом плане, рассматривая их взаимодействие в многообразных формах пространственной «риторики». Последняя имеет место там, где разные коды совместно участвуют в определении единого смысла (ср.: Лотман 1998: 611). В этом случае предметом исследований становятся различные формы соотношений между кодами: их совмещения, пересечения и исключения, субординации и координации, их участие в формировании денокативных и коннотативных значений пространственных символов и т. д.

Каждая из форм этих соотношений определяет свой тип пространственных текстов, которые вступают в не менее сложные соотношения между собой, чем пространственные коды. Так, например, архитектурное сооружение, включающее в себя значимые формы предметов, изображения разного рода, книги, надписи и т. п. представляет собой сложное семиотическое образование, составленное из пространственных текстов разных типов. Описывающая их *семиотика пространственных текстов* анализирует, во-первых, внутреннюю структуру каждого из них, а во-вторых – комплексную структуру гетерогенного пространства, семиотизированного по правилам различных кодов.

Применение теории пространственных кодов и пространственных текстов к анализу их функционирования в культуре, их отношений к разнообразным конкретным способам интерпретации пространственных объектов в индивидуальном и коллективном сознании будет относиться к *прагматическому* аспекту пространственной семиотики.

Ясно, что описанное выше внутреннее членение семиотики пространства пока остается скорее проектом, чем сложившейся системой отношений между ее областями. Но такой проект показывает, что семиотика пространства имеет перспективы своего развития в качестве теоретической дисциплины. Складывавшаяся как мультидисциплинарная область исследований, она все более обретает черты единой науки с собственным концептуальным аппаратом, по мере развития которого проясняется и ее внутренняя структура. Только оформившись как целостная научная теория, семиотика пространства сможет служить эффективным методом и для прикладных исследований в различных областях гуманитарного знания.

Об отношениях между семиотикой пространства и лингвистикой⁴

Семиотика пространства – раздел теории знаков, занимающийся средствами коммуникации, план выражения которых образуется пространственными отношениями. В ее рамках, как и вообще в семиотике, различимы *семиографический* и *семиологический* уровни исследования. В то время как первый из них связан с описанием конкретных знаковых конструкций и норм их осмысления, второй направлен на анализ тех принципов, на которых вообще организуется пространственный семиозис. Выход на семиологический уровень обобщения позволяет сравнивать пространственные коды не только друг с другом, но и с вербальным языком, давая тем самым основания и для сопоставления семиологии пространства с общей лингвистикой.

На уровне аналогий и метафор сопоставление разнообразных пространственных носителей значений с лингвистическими средствами производилось и в «досемиотический» период в различных сферах гуманитарного знания. В эстетике, искусствознании, этнографии, истории и теории культуры все более интенсивно велись разговоры о «языке архитектурных форм», «языке вещей», «языке форм и красок», «визуальном языке» и т. п. (см., в частности: Земпер 1970: 223, 271; Богатырев 1971; Габричевский 2002: 31–39; Кандинский 2001: 64 и след.; Керес 1944 и др.). В многообразии пространственных форм и их отношений искали аналоги знакам вербального языка и построенным из них текстам, создание и «чтение» которых предполагают свои «словарь» и «грамматику», зависимые от культуры (см.: Вёльфлин 1922: 24, 1930: 13, 269; Riegl 1966: 211 и др.).

Это «стихийное» движение в сторону семиотических обобщений во второй половине XX в. получило поддержку со стороны самой семиотики, развившейся к этому времени настолько, что сделалось возможным приложить ее понятия в самых разных сферах науки. Большое распространение при этом получила та версия семиотики, которая под именем «семиологии» сформировалась на основе лингвистических обобщений Ф. де Соссюра. В структуралистских исследованиях, принявших лингвистику за образец научного анализа в сфере гуманитарных знаний и использовавших ее понятийный аппарат в изучении, в частности, пространственных носителей значений, была сделана попытка уже не метафорического, а терминологического их описания как знаков различного рода пространственных языков. На этой основе сложилась семиотика пространства как особая сфера семиотических исследований (см., в частности: ТЗС 19; Лотман 1986, 1992; Барабанов 1999).

Найдя ряд параллелей между системами пространственного семиозиса и вербальным языком, исследователи наталкивались и на существенные отличия первых от вторых, затруднявшие механическое распространение понятий и методов лингвистики на сферу пространственного семиозиса (см., в частности: Эко 1998: 121; Лотман 1992: 31–32). Анализируя отличия «языка пространственных отношений» от вербального, Ю. М. Лотман пришел к мысли о необходимости сосуществования в «семиосфере» культуры двух взаимодополнительных семиотических систем принципиально различных по своей организации, прежде всего – по использованию или неиспользованию дискретных знаков (см.: Лотман 1992: 11–24, 53–54). К подобной идее подходил еще И. Я. Линцбах, который также обращал внимание на различия топологических структур в вербальном и «графическом» языках (Линцбах 1916: 59).

⁴ Опубликовано в сб.: Научные чтения–2003. Материалы конференции 15–17 декабря 2003 г. С.-Петербург / Приложение к журналу «Язык и речевая деятельность» (т. 5) / СПб.: Филол. факультет СПбГУ. 2004: 176–181.

Топологические отличия лингвистических средств коммуникации от визуально-пространственных отмечены и в вышедшем в том же 1916 г. «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра, где и были сформулированы принципы его семиологии. Однако, в отличие о Линцбаха, Лотмана и многих других теоретиков, Соссюр не склонен был распространять эти принципы на коммуникативные системы нелингвистического типа. Напротив, он полагал, что «лингвистика может служить моделью (“patron général”) для всей семиологии в целом, хотя язык – только одна из семиологических систем» (Соссюр 1977: 101). С этих позиций он формулирует как принцип произвольности (немотивированности) знаков, противопоставляя их мотивированным символам, так и принцип линейности означающего, требующий от текстопорождающего механизма последовательного чередования во времени акустических сигналов, противопоставленных «означающим, воспринимаемым зрительно (морские сигналы и т. п.), которые могут комбинироваться одновременно в нескольких измерениях» (Соссюр 1977: 103).

Ясная формулировка Соссюром обоих принципов предложенной им семиологии, определяющих «весь механизм» рассматриваемых ею систем с точки зрения семантики и синтактики, позволяет различать «*соссюрианскую*» и «*несоссюрианскую*» семиологии. «Соссюрианской» может быть названа такая семиология, которая принимает оба принципа, сформулированные для нее Соссюром – семантический и синтаксический. «Несоссюрианская» семиология – такая, которая не принимает хотя бы один из них (подобно неэвклидовой геометрии, которая не принимает один из пяти постулатов Эвклида).

Такой «несоссюрианской» оказывается семиология пространства, поскольку исследуемые ею системы, как правило, не удовлетворяют ни первому, ни второму принципам, выдвинутому в проекте Соссюра. Для нее оказываются не релевантны ни принцип произвольности знаков, ни принцип линейности означающего. Как отмечалось и самим Соссюром, для пространственных носителей значений более характерно появление существенно иных топологических свойств, чем у линейной организации следующих друг за другом во времени единиц в плане синтактики, а в плане семантики – использование мотивированных сигналов и индексов вместо условных знаков. Принципиально недопустимая в рамках семиологии Соссюра семиология пространства может существовать только как независимая от нее ветвь семиотики, не опирающаяся на сформулированные Соссюром принципы.

Это не мешает, однако, пространственной семиологии использовать ряд понятий, составляющих теоретический аппарат концепции Соссюра. К анализу пространственного семиозиса вполне применимы различение плана выражения и плана содержания, означающих и означаемых, системы языка и ее актуализации в текстах, синтагматики и парадигматики, синхронии и диахронии и т. п., а также характерный для Соссюра строй структуралистского и холистического мышления, направленного на анализ, прежде всего, целых семиотических систем, а не отдельных знаков.

В частности, для пространственной семиологии остаются значимыми различия *пространственных кодов* и *пространственных текстов*, которые соотносятся между собой подобно языку и речи, в трактовке Соссюра. Сохраняет для нее свое значение и внесенное структурной лингвистикой Соссюра и Ельмслева различие «формы» и «субстанции»: пространственные тексты появляются в результате того, что в физическую и психическую «субстанции» вносится семиотическая «форма», задаваемая пространственными кодами. При этом временные отношения остаются в качестве атрибута этих «субстанций», но исключаются из «формы выражения» пространственных текстов; продолжая *быть*, время в них перестает что-либо *значить* (ср.: Cassirer 1985: 93).

В организации систем пространственного семиозиса и вербального языка можно найти структурные параллели. Визуально-пространственные коды имеют предпосылки для выделения единиц различных *иерархических уровней*, выполняющих функции, сходные

с соответствующими единицами языка. К пространственным кодам могут быть применены понятия *синтагматики* и *парадигматики*. Как и в речи, *синтагматические структуры* образуются в пространственном семиозисе конфигурациями значимых элементов, выбранных из некоторого множества и упорядоченных по синтаксическим правилам данного кода. Между этими альтернативными вариантами складываются отношения сходства и различия, которые в системе данного кода образуют *парадигматические структуры*.

Вместе со сходством в организации визуально-пространственных кодов и вербального языка между ними имеются и структурные расхождения, в которых сказывается «несоссюреанский» характер синтактики, семантики и даже прагматики пространственного семиозиса.

Если одномерная временная ось позволяет делать значимыми лишь порядковые отношения между предыдущими и последующими членами знаковой конструкции, то трехмерное пространство не только чисто количественно умножает число направлений, в которых могут быть упорядочены значимые элементы, но создает условия для качественного различения этих направлений и связываемых с ними смыслов. То, как эти условия используются, зависит от данного пространственного кода, который отделяет значимые отношения от незначимых. Этот код может, например, редуцировать три пространственные измерения к одному (как алфавитное письмо, подчиняющееся принципам семиологии Соссюра) или, наоборот, полностью наделить все три разными значениями (как архитектурный код, который этим принципам не подчиняется). <...>

В то же время разнообразие способов семиотизации пространства не исключает возможности выделять некоторые общие для них *синтаксические категории*, которые фиксируют основные типы элементов, образующих синтаксические структуры в разных кодах. К таким универсалиям пространственной семиологии можно отнести категорию *пространственной формы*, которая представляет восприятию и мышлению некое пространственное образование в виде устойчивой системы внутренних соотношений между частями связного целого, сохраняющегося независимо от изменения пространственного положения и внешних отношений к другим формам. Другая столь же универсальная категория – это *место*, которое представляет восприятию и мышлению пространственную конфигурацию, наоборот, как пучок устойчивых внешних отношений некоторой части пространства к другим его частям и системе мест как целому. При этом пространственные отношения внутри этой части не принимаются во внимание, как бы сложны они ни были (местом может быть кресло в партере, площадь в городе, сам город, остров, планета и т. п.).

«Несоссюрианский» характер пространственного семиозиса проявляется и в плане *семантики*, для которой нетипична совершенно произвольная связь означающего с означаемым. Помимо символизма, отмеченного самим Соссюром, для пространственного семиозиса более характерны сигнально-индексальный и иконический способы информационной связи, мотивированные различными формами смежности или сходства репрезентирующего с репрезентируемым.

Можно говорить и о «несоссюреанском» характере прагматики в пространственном семиозисе. Хотя Соссюр и не сформулировал специального принципа для прагматики, как он это сделал для семантики и синтактики, его рассуждения об отношениях между языком и речевой деятельностью опираются на модель устного речевого общения, акт которого «предполагает, по крайней мере, двух лиц – это минимум, необходимый для ситуации общения» (Соссюр 1977: 49). В случае письма, как и в большинстве других форм пространственного семиозиса, акт коммуникации теряет синхронность и распадается на два акта: записи и чтения, происходящие в разное время. Отсюда проистекает и разница возможностей пространственного и временного семиозиса. Если временной (по способу организации носителей значения) семиозис может состояться лишь при условии соприсутствия отправи-

теля и приемника сообщения в процессе порождения цепи знаков (пусть даже и воспроизводимой техническими средствами), то пространственный семиозис делает возможной коммуникацию между субъектами, как угодно далеко удаленными друг от друга во времени. Тем самым, в отличие от синхронного временного, пространственный семиозис носит преимущественно диахронный характер. Вместо «единства времени», требующегося для акта временного семиозиса, он нуждается в «единстве места», на котором зафиксирован текст (будь то книга или архитектурное сооружение).

Таким образом, пространственная семиология, делавшая свои первые шаги под «покровительством» лингвистики, постепенно приобретает контуры самостоятельной ветви науки о знаках. Это позволяет, с другой стороны, в новом свете оценить и построенную на обобщениях лингвистики концепцию Соссюра не как универсальную науку о знаковых системах, а как «хроносемиологию», семиологию тех систем, которые организуют построение и интерпретацию знаков, чередующихся во времени.

О семиотике пространства в России⁵

Чтобы получить более точную картину исследований по семиотике пространства в России, тексты выступлений на Конгрессе МАСП российских его участников имеет смысл рассматривать в контексте сложившихся в отечественной науке подходов к пониманию соответствующих проблем. Поэтому уместно, насколько позволяют возможности вводной статьи, хотя бы пунктирно очертить основные контуры этого контекста.

Картина семиотики пространства в России может охватывать более или менее широкий горизонт, в зависимости от избранной точки зрения. Он может быть достаточно узким, ограниченным работами небольшой группы специалистов в последние два-три десятилетия, если в качестве критерия принять использование специальных семиотических методов. Значительно шире горизонт рисуемой картины окажется, если семиотика пространства будет связываться не с особым методом, а с особым предметом исследования. Тогда обнаружится причастность к ее проблемам многих теоретических разработок, проведенных задолго до ее оформления в самостоятельную дисциплину. Наконец, поиск методов, более адекватных для предмета семиотики пространства, чем методы лингвистики, сложившиеся в анализе временных структур, намечает в перспективе и новые горизонты этой области знания.

I

Как особый *метод* исследования семиотика стала распространяться в отечественной гуманитарной науке с начала 60-х годов, вместе с кибернетикой, теорией информации и другими методами точных наук, с которыми связывались надежды на преодоление «нестрогости» традиционного гуманитарного знания и освобождение от господствовавших тогда в нем догм официальной идеологии. Вдохновляясь примером структурной лингвистики, совершившей прорыв к области точного научного знания, и опытами применения ее методов в других науках о культуре⁶, круг семиотиков, сложившийся в тартуско-московскую школу⁷, подверг структурному анализу разнообразные формы порождения и передачи культурных смыслов: миф, ритуал, фольклор, литературу, изобразительное искусство, архитектуру, предметно-пространственную среду и т. д. Эти формы были определены как «вторичные моделирующие системы», надстроенные над «первичной» системой знаков вербального языка и имеющие более или менее сходную с ним организацию⁸. Идея такого сходства служила основанием не только для перенесения апробированных в лингвистике методов структурного анализа на более широкую область исследования, но и для фактического отождествления семиотики со сферой применения этих методов⁹.

Позволяя трактовать разнообразные, в том числе пространственные, носители культурных смыслов как знаки и построенные из них тексты, семиотический метод ориенти-

⁵ Опубликовано в сб.: Человек и город: пространства, формы, смысл: Материалы Международного Конгресса Международной ассоциации семиотики пространства (Санкт-Петербург, 27–30 июня 1995 г.). В 2-х т. Т.2. С.-Петербург; Женева; Салоники; Екатеринбург: Архитектон. 1998: 25–41.

⁶ См.: Леви-Строс 2001 (1983). Гл. II–IV.

⁷ Пространственное положение центра советских семиотиков – г. Тарту – само семиотично: вытесняемая на периферию официальной науки в СССР, тартуская семиотическая школа была проводником новых научных методов, распространявшихся с Запада на Восток. В то же время никакие географические границы не могут поставить под сомнение правомерность рассмотрения этой школы в истории отечественной науки. О деятельности школы см.: // Ю. М. Лотман и ТМСШ 1994. Там же см. библиографический указатель серии «Труды по знаковым системам» (далее – ТЗС) и других сборников ТГУ.

⁸ См.: Зализняк и др. 1962; От редакции 1965: 5–8; Лотман 1967, 1998: 21–22.

⁹ В предельно заостренной форме эта позиция высказана И. И. Ревзиным: «Предметом семиотики является любой объект, поддающийся средствам лингвистического описания». – Цит. по кн.: Лотман 1992: 11.

рует на выявление общих для целого корпуса таких текстов структурных инвариантов. К последним можно отнести, прежде всего, набор стабильных значимых единиц, образующих «словарь», и комплекс устойчивых правил их сочетания, составляющих «грамматику» соответствующей знаковой системы. Рассматриваемая как язык в широком семиотическом смысле подобная система предстает не только как арсенал средств коммуникации, но и как модель мира, поскольку входящие в нее знаки своим особым образом разбивают весь универсум на классы, совокупность которых создает общую картину мира¹⁰. Отношения между такими классами могут быть описаны с помощью выработанного в структурной лингвистике и успешно применяемого за ее пределами метода бинарных оппозиций¹¹.

Названный метод был использован, в частности, для структурного семиотического анализа пространственной картины мира, в которой оппозиции «верх – низ», «правое – левое», «переднее – заднее», «центр – периферия», «внутреннее – внешнее», «открытое – замкнутое» и т. п. играют роль парных знаков-классификаторов, позволяющих выражать иные, менее наглядные соотношения: «добро и зло», «праведное и грешное», «жизнь и смерть», «душа и тело», «космос и хаос», «свое и чужое» и т. д.¹²

В работах В. Н. Топорова и других семиотиков был исследован структурный «каркас» пространственной картины мира, сложившейся в архаическом сознании и частично сохранившейся на более поздних стадиях культурной эволюции – так называемая схема «мирового дерева»¹³. В соответствии с этой схемой весь мир представляется построенным вокруг вертикальной оси, соединяющей небесный мир с подземным, между которыми находится поверхность земли, упорядоченная по горизонтальным осям: север – юг и восток – запад, соотнесенным с антропоморфными координатами: правое – левое, переднее – заднее и другими четырехчастными пространственными категориями (четыре времени года, четыре ветра, четыре бога и т. д.). Благодаря такому соотнесению схема «мирового дерева» оказывается семиотическим механизмом, позволяющим классифицировать различные группы явлений посредством распределения их по разным зонам структурируемого этой схемой пространства.

Действие подобного семиотического механизма обнаруживается в самых разнообразных культурных текстах, изучаемых археологами, этнографами, фольклористами, культурологами и другими специалистами. Исследователи находят комплекс значимых пространственных отношений в плане содержания произведений словесных жанров¹⁴ или ритуальных действий¹⁵. Но наиболее непосредственно, уже на уровне плана выражения, эти отношения проявляются в структуре создаваемых по определенным культурным нормам пространственных форм и сооружений: в конструкции ритуальных и бытовых предметов¹⁶, в организации жилища и среды обитания¹⁷, в планировке городского пространства¹⁸.

¹⁰ См.: Лотман 1998: 26–31.

¹¹ См.: Иванов 1972.

¹² См., в частности: Иванов, Топоров 1965; 1977; Лотман 1965б. См. также: Бахтин 1965: 395, 436–439; Гуревич 1972: 67–70.

¹³ См.: Топоров 1965, 1971, 1972: 93–98, 1973а, 1973б, 1982, 1983; Мелетинский 1976: 212–217.

¹⁴ См., например: Лотман 1965б; Цивьян 1973, 1978; Неклюдов 1972 и др.

¹⁵ См., в частности: Байбурин 1983а, 1983б; Бгадженов 1983; Новик 1984.

¹⁶ Еще О. М. Фрейденберг отмечала, что единая семантика мифа может выражаться не только в слове или действии, но и в пространственной форме вещи. См.: Фрейденберг 1997: 179 и след., 1978: 62–73, 98–103. См. также о выражении представлений о мире в пространственной структуре предметных форм: Байбурин 1981; Рыбаков 1975: 40–42, 1981, 1988; Сегал 1972; Этносемиотика 1993.

¹⁷ См., например: Байбурин 1983; Иконников 1978; Токарев 1970.

¹⁸ См.: Иванов 1986.

В частности последнее предстает как специфический пространственный текст, понятый в широком семиотическом смысле и не тождественный интерпретирующим его литературным текстам¹⁹. Смысл этого пространственного текста образуют космологические, антропологические или социологические представления, нередко слитые в нерасчлененный комплекс²⁰. Роль отдельных знаков в таком тексте выполняют значимые участки пространства²¹, каждый из которых означает, помимо прочего, тот или иной способ поведения. При этом особое значение приобретают границы между различными зонами пространства (стена, ограда, порог дома и т. д.)²². Пересечения этих границ отмечаются специальными ритуалами²³, становятся сюжетной основой многих фольклорных и литературных текстов²⁴. Максимальную смысловую нагрузку получают и возможные пространственные медиаторы – элементы, которые, в противоположность границам, не разделяют, а соединяют члены пространственных оппозиций, например, центр и периферию, внутреннее и внешнее и т. д. Типичными медиаторами в этом смысле оказываются дорога, перекресток, мост через ров или реку, ворота в ограде, окна в стене и вообще любые «проемы-в-преграде»²⁵.

Хотя некоторые черты архаических представлений о пространстве делают их более доступными для семиотического анализа, последний, разумеется, применим отнюдь не только к ним. Так, например, один из выпусков «Трудов по знаковым системам» специально посвящен семиотике городской культуры Санкт-Петербурга²⁶. Как тексты, образованные знаками специфического пространственного языка, стали рассматриваться и интерьеры дворянской усадьбы²⁷, и жилая среда современного города²⁸, и новая архитектура²⁹, и произведения дизайна³⁰.

Выявление способности пространственных отношений быть носителями разнообразных культурных смыслов и изучение соответствующих семиотических средств вело к выделению семиотики пространства в самостоятельную сферу исследований. Ю. М. Лотман, который шел к пониманию «языка пространственных отношений» как особой знаковой системы от анализа литературных произведений³¹, связывал ее предмет, прежде всего, с разработкой проблем художественного пространства³². Однако способность последнего не только моделировать пространство реального мира, но и выражать вообще «любые значения, коль скоро они имеют характер структурных отношений»³³, позволяет говорить о языке пространства в более широком плане – как об одном из важнейших и необходимых языков культуры, сопоставимом по своей универсальности с вербальным³⁴. Необходимым про-

¹⁹ От текста, образуемого городским пространством, следует, поэтому, отличать понятие «текст города» в смысле совокупности его литературных описаний (см., например: Топоров 1984. Ср. различие пространства как текста и текста как пространства в статье: Топоров 1983).

²⁰ См.: Долгий, Левинсон 1971; Иконников 1981; Кнабе 1985; Топоров 1987.

²¹ В качестве первичных знаков языка города «минимальные, содержательно нерасчлененные пространства, отмеченные специфическими чертами», рассматривает, например, Л. Л. Гуревич (Гуревич 1974).

²² См.: Даниэль 1979; Топоров 1983: 263–264.

²³ См.: Байбурин 1983б: 136–145; Кнабе 1999: 111–112; Успенский 1995: 175.

²⁴ См.: Лотман 1965б: 212; 1998: 220, 224, 228; 1992: 241; Неклюдов 1972: 30.

²⁵ Семиотические функции «проема – в-преграде» рассмотрены в статье: Даниэль 1979: 76–78.

²⁶ ТЗС 18.

²⁷ Лотман 1974.

²⁸ См.: Гуревич 1974; Каганов 1978, 1979, 1980, 1986; Хан-Магомедов 1976.

²⁹ См., например: Иконников 1973

³⁰ См., в частности: Безмоздин 1975. Гл. 5; Рубин 1973; Сегал 1968.

³¹ См.: Лотман 1998: 211 и след.; 1992: раздел: «Семиотика пространства».

³² См.: Лотман 1986: 3

³³ См.: Там же: 4.

³⁴ Ср.: «Одной из универсальных особенностей человеческой культуры, возможно связанной с антропологическими

пространственный язык оказывается в силу того, что обладает иными возможностями, чем язык словесный и подобные ему знаковые системы. Механизму последовательного перебора дискретных условных знаков он противопоставляет целостное схватывание единой картины, наглядно демонстрирующей сразу множество соотношений между частями и способной служить их иконической моделью³⁵. Соответственно, аналитические механизмы вербализованного «левополушарного» мышления передают здесь свою ведущую роль синтетическим «правополушарным» механизмам наглядного моделирования³⁶.

Осознание предмета пространственной семиотики влечет пересмотр и ее методов: обнаруживается, что лингвистические методы, сложившиеся в исследованиях знаковых систем одного типа могут быть неадекватными для анализа семиотических систем, организованных принципиально иначе. Вполне естественно, поэтому, что исходившая из универсальности лингвистических моделей, концепция «вторичных моделирующих систем» уступила место более сложной концепции «семиосферы» как целостного «организма» культуры, в рамках которого разнотипные знаковые системы взаимно дополняют друг друга³⁷.

II

Если семиотику пространства рассматривать не только как одну из сфер приложения лингвистических методов, но и как самостоятельный *предмет*, в рамках которого разными методами изучаются особенности пространственных средств смысловыражения, то ее горизонты окажутся значительно шире как в перспективе, так и в ретроспективе. К предмету семиотики пространства тогда должны будут отнесены многие теоретические разработки, выполненные задолго до ее осознания отдельной дисциплиной и опирающиеся на самые разные методы исследования³⁸. Разнообразие методов, используемых для изучения пространственного смысловыражения, хорошо видно при сравнении подходов к выявлению скрытого символизма простейших геометрических элементов (точки, линии и т. д.) в работах трех весьма разных авторов, обдумывавших эту проблему почти в одни и те же годы.

Одним из них был В. В. Кандинский, который не только в своем творчестве подверг радикальному пересмотру выразительные средства живописи, но и стремился к их теоретическому осмыслению. Развивая идеи изданной им в 1911 году книги «О духовном в искусстве»³⁹, художник посвящает точке, линии, плоскости и создаваемым на их основе геометрическим фигурам специальные исследования, в которых рассматривает эти элементы как знаки графического языка, способные выражать чувства и образные ассоциации⁴⁰. Пытаясь «снять завесу» с их внутренних смыслов, Кандинский обращается, прежде всего, к собственной интуиции, которая, однако, должна опираться на принцип «внутренней необходимости». И хотя он проверяет ее с помощью специальных анкет с вопросами о чувствах и мыслях, вызываемых у разных лиц той или иной геометрической фигурой, субъективность

свойствами сознания человека, является то, что картина мира неизбежно получает признаки пространственной характеристики». — Лотман 1969: 463.

³⁵ О принципиальных отличиях строения пространственных иконических моделей и повествовательных текстов см.: Лотман 1973.

³⁶ Отсюда взаимный интерес к сотрудничеству семиотиков с нейрофизиологами. См., например: Николаенко, Деглин 1984; Черниговская, Деглин 1984, а также: ТЗС 16.

³⁷ См.: Лотман 1984.

³⁸ Обращаясь к опыту отечественных предшественников пространственной семиотики, Ю. М. Лотман называл М. М. Бахтина с его идеей хронотопа и П. А. Флоренского с его анализом пространственности зрительно воспринимаемых объектов (Лотман 1986: 3–5). О значении прошлого теоретического наследия для семиотики, в том числе пространственной, см. также: Иванов 1973, 1999; Огибенин 1975.

³⁹ См.: Кандинский 2001: 23–140.

⁴⁰ См.: Кандинский 1919, 1994, 2001. См. также: Хан-Магомедов 1978: 77–96.

его метода внушала сомнения в научной ценности получаемых результатов уже его коллегам-художникам⁴¹.

Совершенно иначе подходит к проблеме осмысления тех же геометрических элементов философ – А. Ф. Лосев. В выпущенной им в 1927 году книге «Античный космос и современная наука» он включает пространственные категории в систему умозрительных диалектических построений, восходящих к пифагорейским и неоплатоническим истокам. Точка, линия, плоскость, объемные тела разных конфигураций мыслятся в этой системе как пространственные символы самых общих философских понятий: тождества и различия, покоя и движения и т. д.⁴²

Крайности чисто интуитивного и чисто умозрительного подходов к выявлению пространственной символики преодолеваются П. А. Флоренским в предложенном им в начале двадцатых годов проекте универсального, систематически построенного словаря пространственных символов – «Symbolarium»⁴³. Субъективной интуиции художника он противопоставляет «строгий научный метод обследования символического наследия, оставленного нам прошлыми культурами...»⁴⁴. Но этот метод отличается также и от чисто дедуктивных умозрений философа: Флоренского интересует сравнительно-исторический анализ значений тех пространственных символов, которые даны зрению, в основе своей независимы от словесных знаков и коренятся «в глубинных слоях сознания, сходных у разных народов»⁴⁵. В единственной осуществленной статье из словаря – «Точка» – дается целый спектр значений этого простейшего, казалось бы, идеографического знака. На одном полюсе спектра – самые общие, онтологические смыслы точки, как символа границы бытия и небытия, начала и конца, Единицы, Первопричины и т. д. – предмет размышлений философов. На другом полюсе – эстетические и психологические значения точки, интересующие прежде всего художников. Между ними указывается ряд самых разнообразных значений символа – космологическое, пневматологическое, биологическое, этическое и др.⁴⁶ Хотя в «Symbolarium» должны были включаться, прежде всего, плоские идеограммы, допускалась и их трактовка как проекций трехмерных объемов: колонна имеет общий смысл с вертикальной линией, семантика кольца Стоунхенджа сохраняется в начертании круга и т. д.⁴⁷

Идеи П. А. Флоренского, касающиеся семиотики пространства, не исчерпываются замыслом словаря идеографических символов. «Вся культура может быть истолкована как деятельность организации пространства», – писал он, полагая, что и наука, и техника, и искусство могут рассматриваться как разные способы такой деятельности⁴⁸. За каждым способом организации пространства стоит определенное миропонимание, находящее в пространственных формах свое символическое выражение. Таким символом миропонимания может служить, например, способ изображения пространства, различный у художников, принадлежащих разным культурным традициям⁴⁹. Написанная П. А. Флоренским в 1919 году статья на эту тему – «Обратная перспектива»⁵⁰ – открывает целый ряд исследо-

⁴¹ См.: Хан-Магомедов 1981: 343–347, 359.

⁴² См.: Лосев 1993: 235–243.

⁴³ Флоренский 1971.

⁴⁴ Там же: 525.

⁴⁵ Там же: 523.

⁴⁶ См.: Некрасова 1982.

⁴⁷ Флоренский 1971: 523–524; 526–527.

⁴⁸ Флоренский 1993б: 55 и след.

⁴⁹ Флоренский 1993а: 106–107 и др.

⁵⁰ Там же: 177–281.

ваний языка изобразительного искусства⁵¹, вырастающий в специальную ветвь семиотики пространства, связанную с анализом средств его репрезентации на плоскости.

Так же, как семиотика изобразительного искусства имеет свои корни в досемиотических исследованиях, так и семиотика неизобразительных форм пространственных видов искусства – архитектуры, дизайна, градостроительства – восходит к идеям аналогии их средств с языком и его знаками, обсуждавшимся теоретиками и практиками этих видов искусства.

Уже в сороковых годах XIX века русский архитектор Н. В. Дмитриев в неопубликованной статье «Параллель языка с архитектурой» сопоставлял простейшие архитектурные формы с алфавитом звуков. Подобно тому, как перевод на русский язык мысли, выраженной, допустим, на итальянском языке, предполагает замену слов и их отношений на знаки другого языка, так и перевод некоторых универсальных архитектурных идей, выраженных посредством разных стилей, требует трансформации пространственных деталей. «В языке идеи выражаются звуками, в зодчестве – формами, – писал Н. В. Дмитриев. Каждый язык имеет свой алфавит, каждая архитектура – число основных форм»⁵². По мысли зодчего, «переводу» полезных идей с одного архитектурного языка на другой мог бы способствовать словарь пространственных форм, выработанных народами мира для выражения сходных конструктивных идей⁵³.

Взгляд на архитектурные стили как на специфические пространственные языки становился особенно понятным в моменты обострения стилистических споров. В начале XX столетия, например, в полемических статьях А. Н. Бенуа уподобление стилей языкам служило доводом в пользу использования классического ордера как, своего рода, «архитектурной латыни», способной более внятно выражать логику пространственной мысли, чем другие архитектурные языки или, тем более, «безграмотные» строения⁵⁴.

Однако в новых архитектурных направлениях сама эта логика претерпевала изменения: не только тектонические отношения между массами, выражаемые ордером, но и организация «пустых» объемов между ними была осознана как основной предмет архитектурной мысли. «Пространство, а не камень – материал архитектуры», – так сформулировал в 1920 году новое понимание ее выразительных средств архитектор Н. А. Ладовский⁵⁵. Проблема соотношения пространства и массы в архитектуре в начале века интенсивно обсуждалась такими искусствоведами, как А. Ригль, Г. Вёльфлин, А. Шмарзов, П. Франкль, А. Бринкман и др.⁵⁶

В России эта проблема была глубоко исследована А. Г. Габричевским, который рассматривал пространство и массу как «выразительные знаки особого типа художественной формы»⁵⁷. В его понимании, архитектура организует отношения между динамическим, трактуемым как место движения, пространством и материальной тектоникой таким образом, что тектоническая «оболочка» запечатлевает в своих формах характер движения в охваченном ею пространственном «ядре» и, в свою очередь, сама задает это движение⁵⁸. Разные архитектурные стили отличаются не столько тем, как они оформляют тектоническую оболочку, сколько тем, как они организуют пространство и его отношения с материальной мас-

⁵¹ Ср.: Бакушинский 1981; Лисицкий 1978; Panofsky 1927; Габричевский 1928: 30–56; Тарабукин 1993; Жегин 1970; Успенский 1970, 1971; 1995. См. также: Раушенбах 1980; Мочалов 1983.

⁵² Цит. по кн.: Кириченко 1986: 141.

⁵³ См.: Там же: 142.

⁵⁴ См.: Бенуа 1968: 125–132.

⁵⁵ Мастера 1975: 344.

⁵⁶ См., в частности, в русском переводе: Бринкман 1935; Вёльфлин 1930; Ригль 1935.

⁵⁷ Габричевский 1923: 292–309; 1927: 31.

⁵⁸ См.: Габричевский 1927: 25.

сой. Формы здания физиогномически выражают своей двузначной, составленной из массы и пространства, структурой тип соотношения внутреннего пространства с внешним миром: замкнутый в Византии, открытый в эпоху Возрождения, бурно прорывающийся изнутри наружу в позднем барокко и т. д.⁵⁹

Семиотические идеи, имплицитно содержащиеся в работах А. Г. Габричевского, были позднее развиты его учеником В. Ф. Маркузоном. В 1939 году в статье «Метафора и сравнение в архитектуре» молодой тогда исследователь рассматривал «исконные средства архитектурного языка», позволяющие символически выразить логику архитектурной конструкции⁶⁰. Подобно П. А. Флоренскому (который находил в пространственных средствах смысловыражения такие же приемы метафоры, метонимии и синекдохи, как и в словесных поэтических текстах)⁶¹, он обращается к аналогии с поэтическими тропами. Подобно А. Н. Бенуа, он проводит параллель между классическим ордером и древним языком, способным наиболее ясно выразить логику мысли. Подобно Н. В. Дмитриеву, он видит в архитектурных стилях своего рода «диалекты», допускающие взаимный перевод некоторых общих конструктивных идей, что дает основания для выявления универсальных принципов архитектурного языка (как это делает общая лингвистика по отношению к конкретным языкам). Наконец, подобно А. Г. Габричевскому, он описывает выразительные возможности тектонической «оболочки», соотносенной со свободным пространством, как основу специфического архитектурного языка.

Свою семиотическую концепцию В. Ф. Маркузон развернул в серии статей, вышедших в 70-е годы⁶², когда вызревавшее в недрах теории архитектуры осмысление ее выразительных средств как особого языка получило поддержку и новый импульс извне, со стороны активно распространявшейся тогда на разные сферы знания семиотики. Опираясь как на исторические исследования, так и на современный опыт, теоретик утверждал, что специфический язык архитектуры можно рассматривать не просто как суммарное обозначение ее выразительных средств, но как «язык в том смысле, который вкладывает в этот термин семиотика»⁶³. В соответствии с этим смыслом В. Ф. Маркузон различал, с одной стороны, морфологию сравнимых с лексемами архитектурных форм и синтаксис их отношений, а с другой – семантику этих форм и построенных из них тектонических конструкций⁶⁴. В то же время он видел и пределы этих аналогий, считая, например, непродуктивными попытки создания словаря архитектурных форм со стабильными значениями⁶⁵. Отрицая существование каких-то готовых «художественных знаков», В. Ф. Маркузон полагал, что, как и словесная конструкция, архитектурное сооружение приобретает статус произведения искусства как раз тогда, когда становится многозначным, наделяется дополнительными переносными значениями и символическими смыслами с помощью специфических визуально-пространственных тропов (сравнений, метафор и т. п.)⁶⁶.

Сходным образом от художественных средств архитектуры отличают знаки ее «повседневного» языка и некоторые другие авторы. Так, например, А. Г. Раппопорт и Г. Ю. Сомов считают необходимым вычленить в качестве самостоятельного направления архитектурной

⁵⁹ Там же: 28. Ср. сходные рассуждения В. А. Фаворского: «Стиль греческого искусства, стиль готики, ампира, барокко – разве это не мировоззрение и разве это не предметно-пространственная форма, отношением предмета к пространству выражающая мировоззрение?» – Фаворский 1988: 284. См. там же: 218–223; 243–244; 276–292.

⁶⁰ Маркузон 1939.

⁶¹ См.: Флоренский 1971: 522.

⁶² См.: Маркузон 1970а, б, 1978, 1979.

⁶³ Маркузон 1970а: 48.

⁶⁴ См.: Там же: 53.

⁶⁵ Маркузон 1979: 29.

⁶⁶ Маркузон 1978: 52.

науки собственно семиотический анализ этих знаков⁶⁷. Этот анализ должен включать в себя исследование прагматики (отношений знаковых систем архитектуры к деятельности человека), семантики (отношений архитектурных форм к их значениям) и синтактики (правил, регулирующих отношения между самими знаками архитектурного языка)⁶⁸.

Притягивая своей эвристической силой, семиотика в то же время не вполне удовлетворяет обращающихся к ее понятиям исследователей архитектуры. С одной стороны, аналогия с лингвистикой позволяет говорить о знаках архитектурного языка, его «буквах» и «иероглифах»⁶⁹, о специфической его семантике⁷⁰, о «тезаурусе» пространственных образов, хранящихся в памяти архитектора⁷¹, о «словаре» устойчивых иконографических схем и мотивов⁷², о различии архитектурных языков в разные исторические эпохи⁷³ и т. д. Но, с другой стороны, попытки более или менее далеко провести параллель с лингвистическими понятиями сталкиваются с естественным «сопротивлением материала» и вынуждают тех же исследователей констатировать существенные различия знаковых систем вербального языка и архитектуры⁷⁴. Поэтому довольно скоро надежды на успешное применение новых семиотических методов в изучении архитектуры⁷⁵ стали сменяться сомнениями по поводу плодотворности союза архитектуроведения с семиотикой и даже уверенностью в его невозможности⁷⁶.

III

Как ясно из сказанного, подходя с двух разных сторон, исследователи сталкиваются с одними и теми же проблемами семиотики пространства. С одной стороны, филологи и лингвисты, распространяя на сферу пространственных средств смысловыражения методы анализа языка, сталкиваются с тем, что в этой сфере могут действовать принципиально иные семиотические механизмы. С другой стороны, художники, архитекторы и теоретики пространственных видов искусства самым предметом своих исследований побуждаются к поиску аналогий со знаковыми системами вербального языка, но обнаруживают, что эти аналогии имеют пределы. И те и другие наталкиваются на одно и то же препятствие: теоретические модели, выработанные для анализа дискретных последовательностей знаков, развивающихся во времени, оказываются малоэффективными для описания пространственных носителей значения.

Из этой ситуации могут быть два выхода. Можно исходить из того, что семиотика пространства есть только определенный метод исследования, который связан с применением лингвистических понятий к нелингвистическому предмету, и к которому по мере надобности обращаются специалисты разных областей до тех пор, пока этот метод дает полезные результаты. Тогда семиотика пространства будет выглядеть лишь эпизодом в истории науки, связанным с увлечением некоторыми «модными» в какой-то момент методами, на смену которым приходят увлечения другими методами. Но возможен и иной взгляд на ту же про-

⁶⁷ Раппопорт, Сомов 1990: 226–227.

⁶⁸ Там же: 198–228.

⁶⁹ См.: Борисовский 1989: 72–77.

⁷⁰ Иное, чем у В. Ф. Маркузона понимание архитектурной семантики, связанное с переносом акцента от тектоники к пространственности см. в кн.: Страутманис 1978. Гл.2.

⁷¹ См.: Глазычев 1978: 171–172.

⁷² См.: Ревзин 1988: 70.

⁷³ См.: Иконников 1985: 130 и след.

⁷⁴ См., наприм.: Там же: 102–105.

⁷⁵ См.: Россинская 1981.

⁷⁶ См., наприм.: Ревзин 1994: 32–33.

блему, когда семиотика вообще и семиотика пространства, в частности, понимаются, прежде всего, не как особый метод, а как особый предмет исследования. Именно так понимают свою науку лингвисты, которые испробовали в ее пределах разные методы прежде, чем выработали, ставший столь популярным и за рамками лингвистики, структурный метод анализа языка.

С этой точки зрения предмет семиотики пространства – специфические пространственные средства смысловыражения – не зависит от «моды» на те или иные методы. Он имеет глубокие корни в досемиотических исследованиях теоретиков и практиков пространственных видов искусства и, с другой стороны, вполне реальные перспективы своего дальнейшего развития. Пример лингвистов показывает, насколько тщательно может быть изучена система средств смысловыражения, развивающихся во времени⁷⁷. Но если лингвистику и ее семиологическое обобщение в варианте Ф. де Соссюра можно рассматривать как своего рода «хроносемиотику», то есть основания ожидать не меньших успехов и в сфере «топосемиотики».

Для развития последней может быть весьма полезен опыт, накопленный в теории архитектуры и других пространственных видов искусства. Однако предмет семиотики пространства отнюдь не тождествен предмету традиционного искусствознания, как не тождественны грамматика и поэтика в анализе словесных текстов. Имея своим предметом общие, ставшие культурными нормами, средства выражения смыслов через пространственные их носители, она отличается от искусствоведческих описаний конкретных произведений конкретных авторов, вырабатывающих индивидуальный комплекс выразительных средств. Семиотика пространства не совпадает в то же время и с теорией композиции, которая рассматривает непосредственно воспринимаемые элементы пространственных форм (линии, пятна, объемы) и организующие их структуры (ритм, симметрию, пропорциональность и т. п.), не ставя своей задачей систематически связать их со значениями. При этом несомненна возможность трактовать некоторые аспекты теории композиции с помощью пространственной семиотики. Так, например, весь комплекс проблем, связанных с выражением статики и динамики средствами композиции, может быть описан как связи планов выражения и содержания в системе архитектурного кода.

С другой стороны, семиотика пространства не тождественна и чисто семантическим исследованиям (психологическим, социологическим, этнографическим, культурологическим и т. д.), в которых значения пространственных объектов могут рассматриваться независимо от особенностей их видимой формы. Нацеленная на обнаружение именно общих норм связи этой формы со своим значением семиотика пространства отличается и от герменевтики, которая ориентирована более на индивидуальные особенности осмысления у разных интерпретаторов.

Имея свой собственный предмет и даже немалый опыт его изучения специалистами разных профилей, семиотика пространства не имеет еще своего метода, какой выработала на своей почве лингвистика. Поэтому она вынуждена пока довольствоваться методологическими заимствованиями у той же лингвистики, а также у психологии, социологии и других наук, более разработанных в методологическом отношении. На каком-то этапе такие заимствования могут быть полезны. Но по мере ее развития все более актуальным становится вопрос о собственном методе пространственной семиотики, который учитывал бы ее особенности.

⁷⁷ Основоположник структурной лингвистики и семиологии Ф. де Соссюр дает недвусмысленное указание на связь всего механизма языка с принципом последовательной передачи слуховых сигналов, чередующихся во времени (см.: Соссюр 1977: 103).

II. Семиология знаковых средств «знаковая призма»: пространственная модель семиозиса⁷⁸

1. Задачу синтеза представлений о знаках, поставленную основателями семиотики, до сих пор нельзя считать вполне решенной. Помимо известных расхождений между логически ориентированной теорией знаков Ч. Пирса и Ч. Морриса и выросшей на почве лингвистики семиологии Ф. де Соссюра, существенно и расхождение между представителями психологического и антипсихологического направлений в исследовании знаков. Решительно выдвинутый в логических исследованиях Г. Фреге и Э. Гуссерля и поддержанный различными школами структурной лингвистики антипсихологизм исключает из исследования знаков ряд моментов их функционирования, без учета которых невозможно целостное представление о механизме знаковой связи. Достаточно сослаться на выявление роли знаков в психической деятельности, исследованной Ж. Пиаже, Л. С. Выготским и их последователями, чтобы устранить сомнения в необходимости учитывать психологические аспекты знаковой связи в изучающей ее теории. Однако и другая крайность, предполагающая, что только в рамках психологической теории деятельности, но не в лингвистике или семиотике возможно постижение сущности знаков, представляется также мало оправданной. В результате множества разночтений своих основных понятий семиотика, задуманная ее создателями как единая система знаний о знаках, нередко воспринимается скорее как «круглый стол», за которым по выражению Е. Пёльца, встречаются представители разных научных дисциплин, чтобы обсудить, в чем могут сойтись их представления о знаках (см.: Пёльц 1983: 140).

Между тем возможности для синтеза различных подходов к пониманию знаковой связи и объединения их в рамках одной целостной картины еще отнюдь не исчерпаны. В ряде случаев представления, вначале казавшиеся взаимоисключающими, оказываются с определенной точки зрения вполне согласуемыми описаниями различных аспектов единой картины. Соединение в такую картину разных представлений о механизме знаковой связи становится осуществимым с помощью интегративной пространственной модели «знаковой призмы», которая будет рассматриваться ниже.

2. В основе предлагаемой модели лежит понимание знаков как особых средств человеческой деятельности, способных служить одновременно и для коммуникации между субъектами, и для репрезентации объектов их познания, оценки и преобразования. Знаковые средства рассматриваются здесь в то же время как особая форма информационной связи, опирающаяся на конвенционально принятые в культуре нормы кодирования и декодирования. Такое толкование знаковости соответствует ее пониманию в семиологии Ф. де Соссюра и его последователей, хотя не использует их билатеральную модель, включающую в понятие знака, наряду с означающим, еще и означаемое (см.: Соссюр 1977; Ельмслев 1999). В этом отношении оно ближе тому понятию, которое в семиотике Пирса и Морриса выражено с помощью термина «символ» (см.: Пирс 2000; Моррис 1983). Однако этот термин, как известно, используется не только для обозначения конвенциональных знаков, но и применяется в иной терминологической традиции по отношению к более сложным средствам репрезентации, которые скорее противопоставляются знакам, нежели отождествляются с ними (см., в частности: Тодоров 1998; Pochat 1983; Sørensen 1963). Понятый в этом смысле символ трудно заменить каким-либо иным термином, поэтому представляется целе-

⁷⁸ Опубликовано в сб.: Культура в фокусе знака. Сборник научных трудов / Рос. филос. о-во. Твер. гос. ун-т; ред.: В. Ю. Лебедев, А. Г. Степанов. Тверь. 2010: 15–29. Переработанные фрагменты гл. 6 и 7 из кн.: Чертов 1993.

сообразным сохранить его для выражения именно этих незнаковых или сверхзнаковых средств репрезентации.

Очевидно, что в понятие знака, полностью определенного культурными конвенциями, не входит ни то, что со времен Августина называется «естественными знаками», а у Пирса попадает в категорию индексов, ни то, что в семиотике Пирса получило название «иконны». Ничто не мешает, однако, различать семиотику знаковых средств и более общую семиотику, в предмет которой включаются также другие средства информационной связи – сигналы, индексы и иконические модели.

При таком различии использование знаковых средств будет характеризовать не просто отдельный тип, но особый уровень информационной связи. Если образование иконических моделей возможно уже на уровне механических процессов вроде отпечатка ладони на глине, а сигнально-индексальная связь доступна даже простейшим животным, то знаковый уровень связи достигим только для мыслящих и сознательно действующих субъектов, использующих выработанные в культуре способы деятельности, в частности, знаковые системы.

По сравнению с сигнально-индексальным уровнем информационной связи, знаковый ее уровень предполагает действие более сложного механизма. Для его описания уже недостаточно одной лишь классической схемы из теории связи К. Шеннона, где рассматривается информационная цепь, идущая от «источника» сообщения к ее «приемнику» через «канал» связи и механизмы кодирования и декодирования. За пределами этой схемы оказывается такой существенный компонент знаковой коммуникации как репрезентируемый объект (референт), отнесенность к которому является обязательным условием знаковости. Весь механизм знаковой связи как раз на то и нацелен, чтобы сделать возможной передачу сообщений о таком объекте, который не имеет непосредственного контакта с членами информационной цепи и выходит как угодно далеко за пределы наличной ситуации или даже вообще отсутствует в действительности. Однако, независимо от того, где находится обозначенный объект и существует ли он где-либо вообще, сама предметная отнесенность и способность выводить мысль субъекта за пределы наличной ситуации составляют существенные и необходимые признаки знаков, отличающие их от естественно складывающихся сигналов и индексов. Направленность знака и выражаемой им мысли на обозначенный объект требуют появления нового измерения в схеме знаковой связи, которая уже не укладывается в одномерную схему информационной цепи между отправителем и адресатом.

3. В этом характерном для знаковой связи различии двух измерений, соответствующих предметной отнесенности и коммуникативной направленности знаков, проявляется принципиальное для человеческой деятельности несовпадение субъектно-объектных и межсубъектных отношений. Особенность знаковых средств состоит в принадлежности сразу к двум соответствующим типам информационных потоков. Способность репрезентировать объекты для субъектов деятельности столь же необходимое свойство знаков, как и их способность опосредовать коммуникацию между этими субъектами. Вклиниваясь в систему как межсубъектных, так и субъектно-объектных отношений в качестве искусственно введенного посредника и тех, и других, знаки связывают соответствующие два типа информационных потоков в единый узел. Благодаря такому соединению, индивидуальный опыт познания, оценки и преобразования объектов может быть передан от субъекта к субъекту и закреплён в коллективной памяти культуры, равно как и обратно, выработанные в культуре знания, ценностные представления и способы преобразования объектов становятся посредством знаков достоянием отдельных индивидов.

Включенность знаков одновременно в субъектно-объектные и в межсубъектные отношения определяет не только функции, но и структуру знакового механизма. Основу этой структуры составляет исходная «клеточка» человеческой деятельности, включающая в себя,

по крайней мере, двух общающихся субъектов и объект их познания, оценки или преобразования (см.: Каган 1988: 131). В самом центре этой «клеточки» может быть выявлен еще один компонент деятельности – ее средства, роль которых могут исполнять как технические орудия, направленные на вещественно-энергетическое преобразование объекта, так и особые «информационные» или, как их называл Л. С. Выготский, «психологические» орудия, воздействующие уже на сознание коммуницирующих субъектов. Подобно техническим орудиям, знаковые средства связи служат «инструментами коммуникации» и занимают в структуре описываемой «клеточки» деятельности место среднего члена, который не совпадает ни с объектом деятельности, ни с ее субъектами, но, как и полагается средству, опосредствует их отношения. Такие средства деятельности проявляют характерную амбивалентность, состоящую в том, что они могут, с одной стороны, осваиваться субъектом настолько, что он начинает воспринимать их как часть или продолжение самого себя, а с другой – способны отчуждаться от субъекта, сливаясь с противостоящими ему объектами или оказываясь объектом его освоения.

Наглядно структуру такой элементарной «клеточки» деятельности в том случае, когда в качестве ее средства оказывается знак, можно представить с помощью схемы 1.

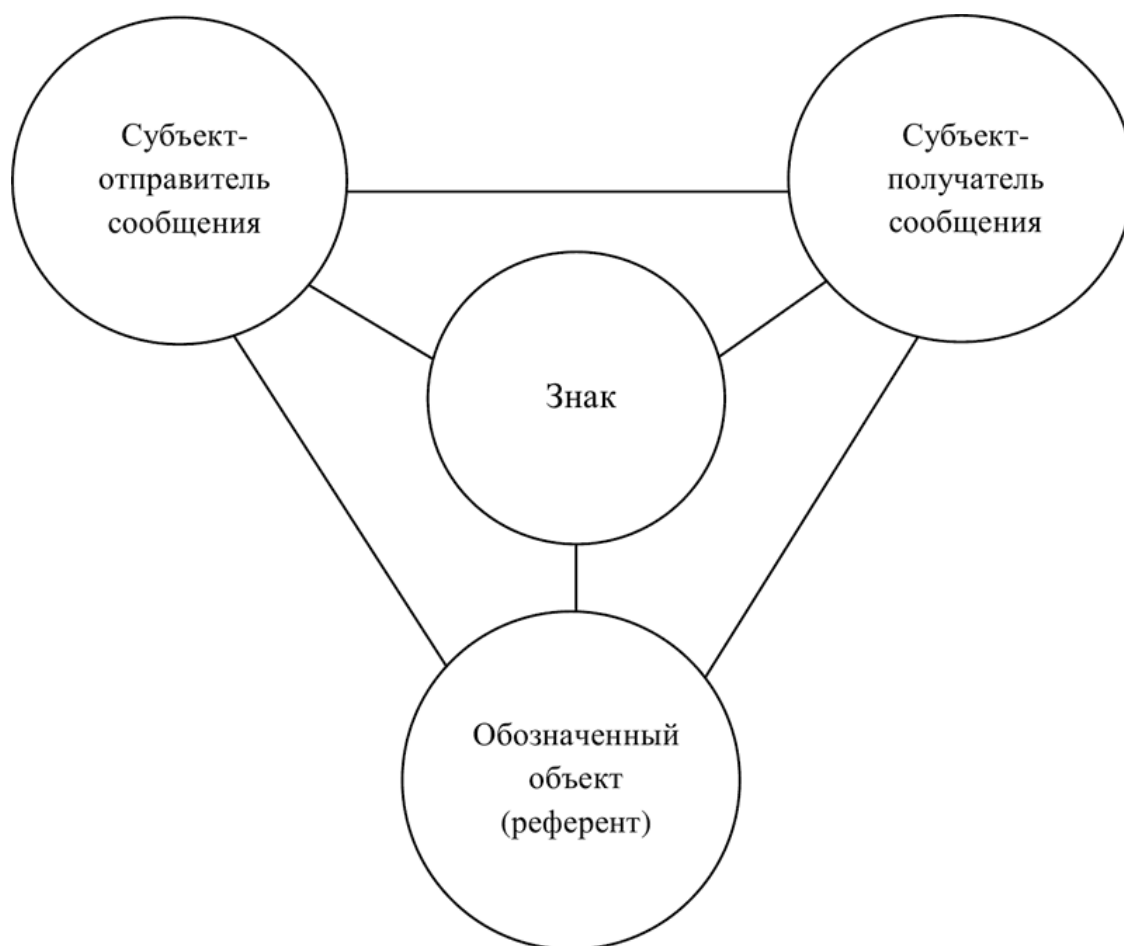

Схема 1. Знак как посредник в системе субъектно-объектных и межсубъектных отношений

Не трудно видеть, что приведенная схема «клеточки» знаковой деятельности воспроизводит классический «треугольник» К. Бюлера и ряда других исследователей (см.: Бюлер 1993: 34; Шафф 1963: 265; Gardiner 1932: 7).

4. Однако элементарная схема знакового опосредования только намечает, но еще не раскрывает механизм знаковой связи. В ней отсутствуют некоторые компоненты, без которых этот механизм не может работать, и без которых нельзя объяснить, каким образом знаковая связь позволяет «переносить» информацию от одного субъекта к другому, как она дает возможность реконструировать в сознании адресата мысль об объекте, выраженную с помощью знаков отправителем. Неясно еще, почему разные субъекты должны связывать с данным знаком одно и то же содержание и направлять свою мысль именно на тот объект, который этим знаком обозначен. Более того, непонятно даже, чем осмысление этого знака отличается от случайной ассоциации, и почему один и тот же субъект должен, встречая данный знак, всякий раз связывать с ним один и тот же смысл.

Для того чтобы связь идеальных образов с данным знаком приобрела у разных субъектов необходимый характер, требуется участие еще одного компонента, не зафиксированного на схеме 1 в качестве самостоятельной единицы. Между тем подобный компонент предусмотрен во многих версиях теории знаков, хотя и трактуется в них по-разному и не имеет общепринятого терминологического выражения. Роль такого компонента играет, например, понятие «смысл» (Sinn) в концепции Г. Фреге, понятие «значение» (Bedeutung) в системе Э. Гуссерля, «десигнат» в концепции Ч. Морриса, «форма содержания» у Л. Ельмслева и т. д. Взятый как часть общего механизма знакового опосредования этот компонент есть не что иное, как заданная кодом норма осмысления знака. Так же как и выработанный в культуре способ оперирования техническими орудиями, способ осмысления знаков, ставший нормой в данной культуре, закрепляется в навыках освоивших его субъектов.

Хотя этот способ не может существовать вне идеальной сферы, он не сводим к состояниям психики отдельных индивидов. Для каждого из них принятый в культуре способ осмысления знака становится внутренним в той мере, в которой осваивается индивидуальной психикой, но остается внешним постольку, поскольку существует независимо от нее в культуре как компонент уже не индивидуального, а коллективного сознания. В такой двойственности смыслового значения – не существующего вне психики отдельных субъектов, но и независимого в то же время от любого конкретно взятого из них – можно узнать уже упомянутую амбивалентность всякого средства деятельности, способного и осваиваться конкретными субъектами, и отчуждаться от них.

Способ осмысления знака, ставший культурной нормой и устойчивой единицей кода, может быть назван *сигнификатом*. Это существенный элемент знаковой связи, благодаря которому она способна совмещать репрезентативные и коммуникативные функции. Обобщенность, производная, по мысли Л. С. Выготского, от обобщественности, позволяет такой единице значения служить одновременно и более или менее общей схемой познания объектов, и унифицированным средством взаимного понимания субъектов. Таким образом, сигнификат оказывается как раз тем связующим элементом, благодаря которому мысли разных субъектов могут быть отнесены к одному и тому же объекту.

Взятые вместе, все эти компоненты образуют комплекс, который можно рассматривать как «план содержания» знака (если допустить применение к единичному знаку термина, относимого обычно к целому тексту). Схема этого «плана содержания» имеет уже знакомую структуру элементарной «клеточки» деятельности, направленной на общий объект и опосредованной выработанным в культуре средством. Роль такого средства – посредника в комплексе субъектно-объектных и межсубъектных отношений – в данном случае играет сигнификат как общепринятый способ осмысления знака (схема 2).

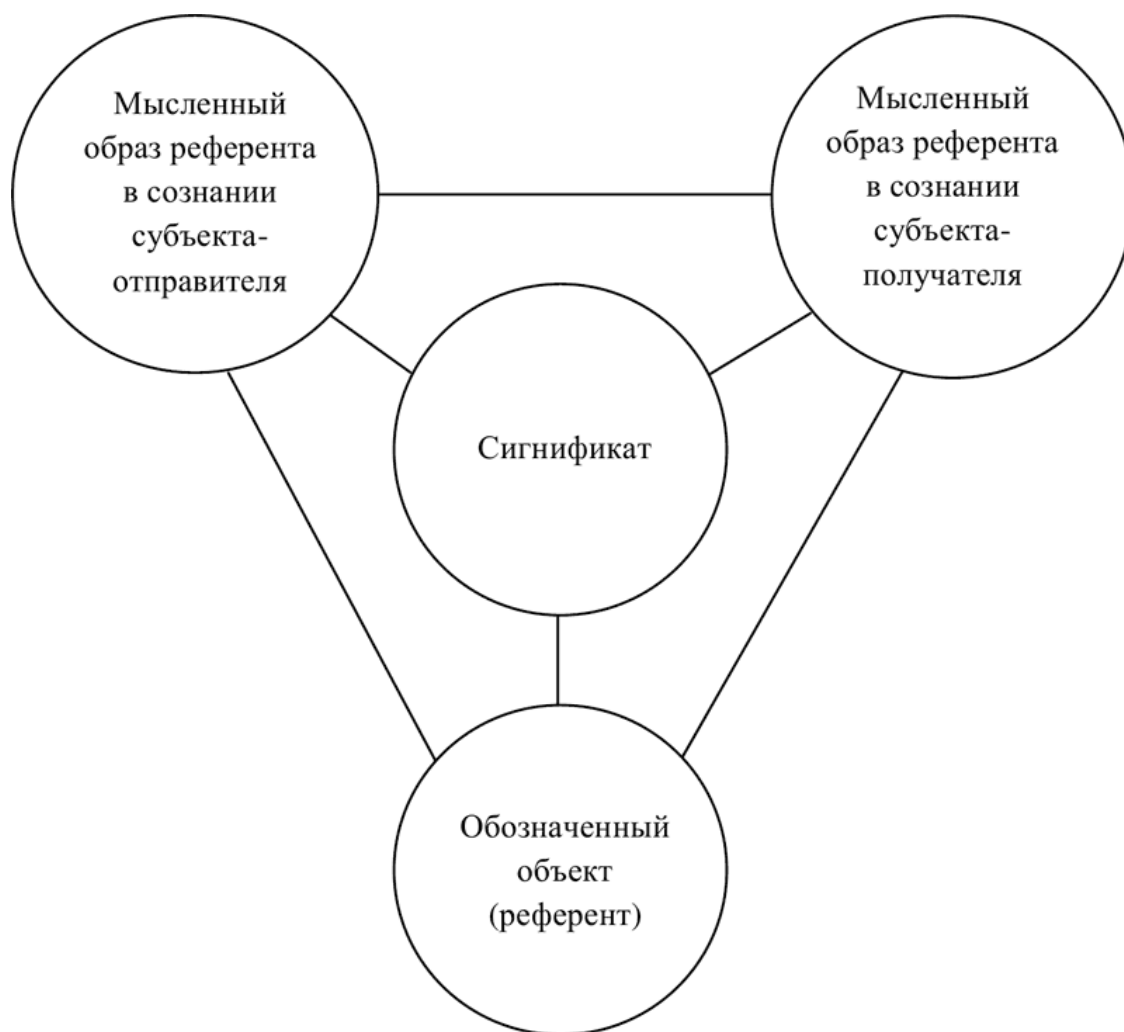

Схема 2. «План содержания» знака

5. Подобно тому, как значение оказалось разложимым на ряд компонентов «плана содержания» знака, означающие средства так же раскладываются на компоненты, образующие на этот раз уже его «план выражения». На дифференциацию этих компонентов указывают хотя бы расхождения в понимании того, что, собственно, нужно относить к знакам: внешние посредники коммуникации, которые традиционно отождествляются с ними, или, может быть, их чувственные образы в сознании субъекта, которые, например, Ф. де Соссюр предпочитал рассматривать в качестве «означающей» стороны знака. И тот и другой компоненты знаковой связи необходимы для того, чтобы она могла состояться.

Но дифференциация компонентов «плана выражения» может быть продолжена. Если учитывать несовпадение функций отправителя и адресата знаковых сообщений, то надо различать и типы возникающих у них чувственных образов: для отправителя это прообраз требуемого знака, возникающий в представлении до того, как знак будет сформирован и употреблен; для адресата же это нечто иное – перцептивный образ уже имеющегося налицо знакового средства. Оба эти типа чувственных образов имеют в своей основе нечто общее – единую схему, в соответствии с которой внешняя форма знака в одном случае производится, а в другом – распознается. Такая схема не сводится к индивидуальному навыку конкретного субъекта и представляет собой культурную норму, предписанную кодом и осваиваемую отдельными индивидами как заданный извне способ деятельности. Благодаря единству этой нормы, адресат отбирает в процессе восприятия материального носителя из множества

свойств именно те, которые придавал этому носителю отправитель, и которые необходимы для узнавания именно данного знака в некотором внешнем посреднике.

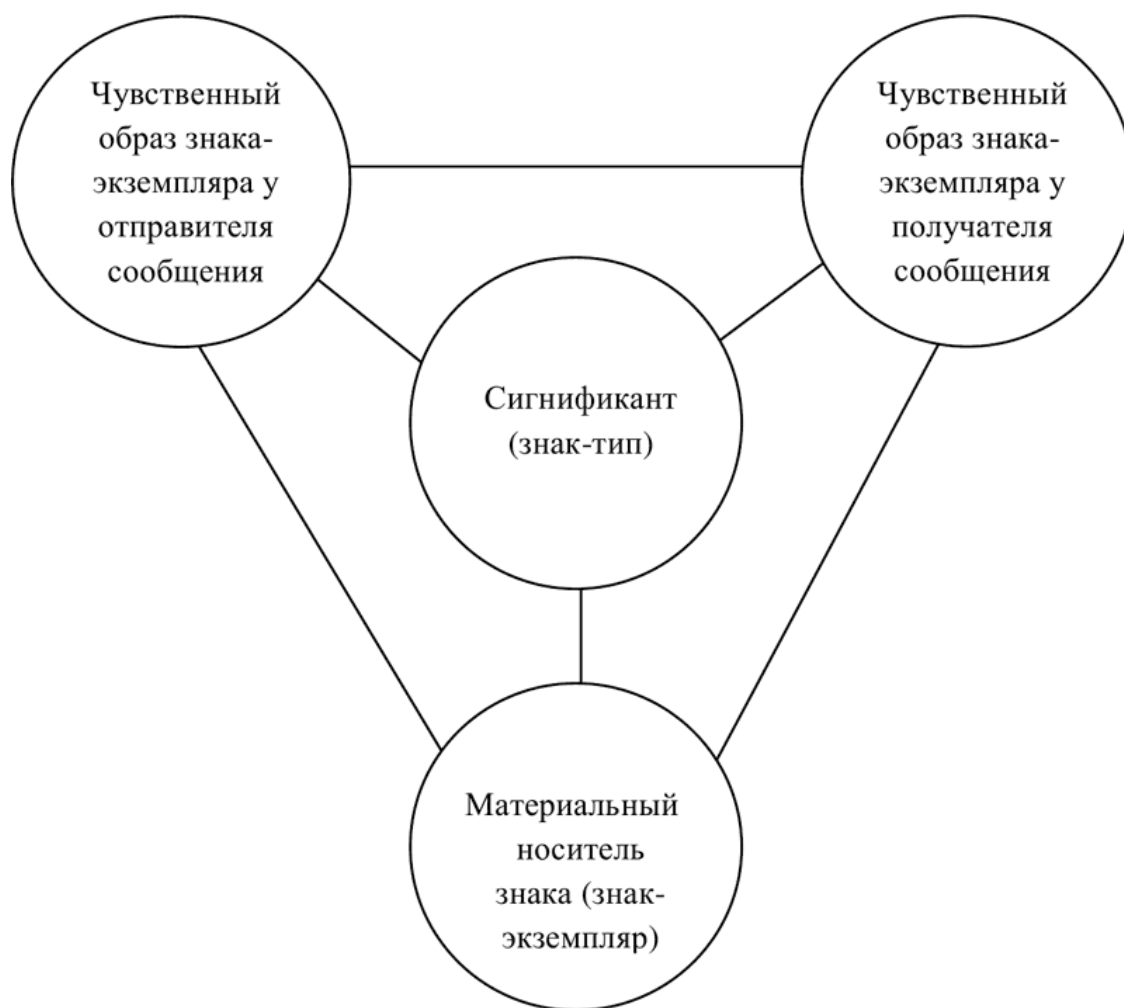

Схема 3. «План выражения» знака

О такой культурной норме построения и узнавания знака, применимой ко многим его воспроизведениям, говорят как о «знаке-типе» или «знаке-образце», отличая их от конкретных «знаков-событий» или «знаков-экземпляров» (Carnap 1946: 5–6; Klaus 1969: 58). Будем применять к такой норме образования узнаваемой формы знака термин «*сигнификант*». Как видим, в структуре плана выражения просматривается та же схема элементарной «клеточки» деятельности субъектов относительно общего объекта с помощью принятого в культуре средства (схема 3).

Таким образом, общая схема знакового опосредования (схема 1) «расслаивается» на два уровня: «план содержания» и «план выражения» знака. Хотя по отношению к плану содержания весь план выражения все время остается комплексом средств связи, внутри этого комплекса роли его составляющих разделены и, скажем, материальный носитель знака в рамках самого плана выражения играет уже роль формируемого объекта для субъекта-отправителя, а также – роль объекта узнавания для субъекта-приемника. Функции же средства деятельности, также как и в структуре плана содержания, берет на себя культурная норма, но на этот раз уже норма не осмысления содержания, а образования формы знака, т. е. не сигнификат, а сигнификант.

6. Между компонентами того, что выше было названо «планом содержания» и «планом выражения» знака, складывается специфическая система отношений, которые не совпадают ни с гносеологическими, ни с какими-либо иными из прагматических функций знаков, а образуют особое *семантическое измерение*. Если выражение и содержание рассматривать как два «горизонтальных» плана, то отношения между ними предстанут на схеме уже как «вертикальные» ряды, попарно соединяющие изофункциональные компоненты плана выражения и плана содержания. Среди них имеются два «субъектных» ряда, один из которых образуется *отношением выражения* между мыслью об объекте в сознании субъекта-отправителя и его представлением о соответствующем знаке; другой ряд строится обратным *отношением интерпретации*, которую производит субъект-приемник, декодируя сообщение. В ту же систему семантических отношений входит и «объектный» ряд, образованный *отношением референции* материального носителя к обозначенному с его помощью объекту. И оба «субъектных», и «объектный» ряды связываются в единую систему благодаря центральному ряду, который можно назвать «инструментальным». Этот ряд создается *отношением сигнификации* между соответствующими центральными компонентами плана выражения и плана содержания. Как и составляющие его члены, отношение сигнификации уже не может быть сведено ни к психике единичных субъектов, ни к отношению между объектами, выступающими как материальный носитель знака и как его денотат, а служит как раз тем инструментом, с помощью которого устанавливается связь между тем и другим, и который образует «сердцевину» знакового механизма.

Опираясь на анализ компонентов плана выражения и плана содержания, а также семантических отношений между ними, можно представить весь комплекс основных элементов, участвующих в организации знаковой связи в виде пространственной модели, изображенной на схеме 4.

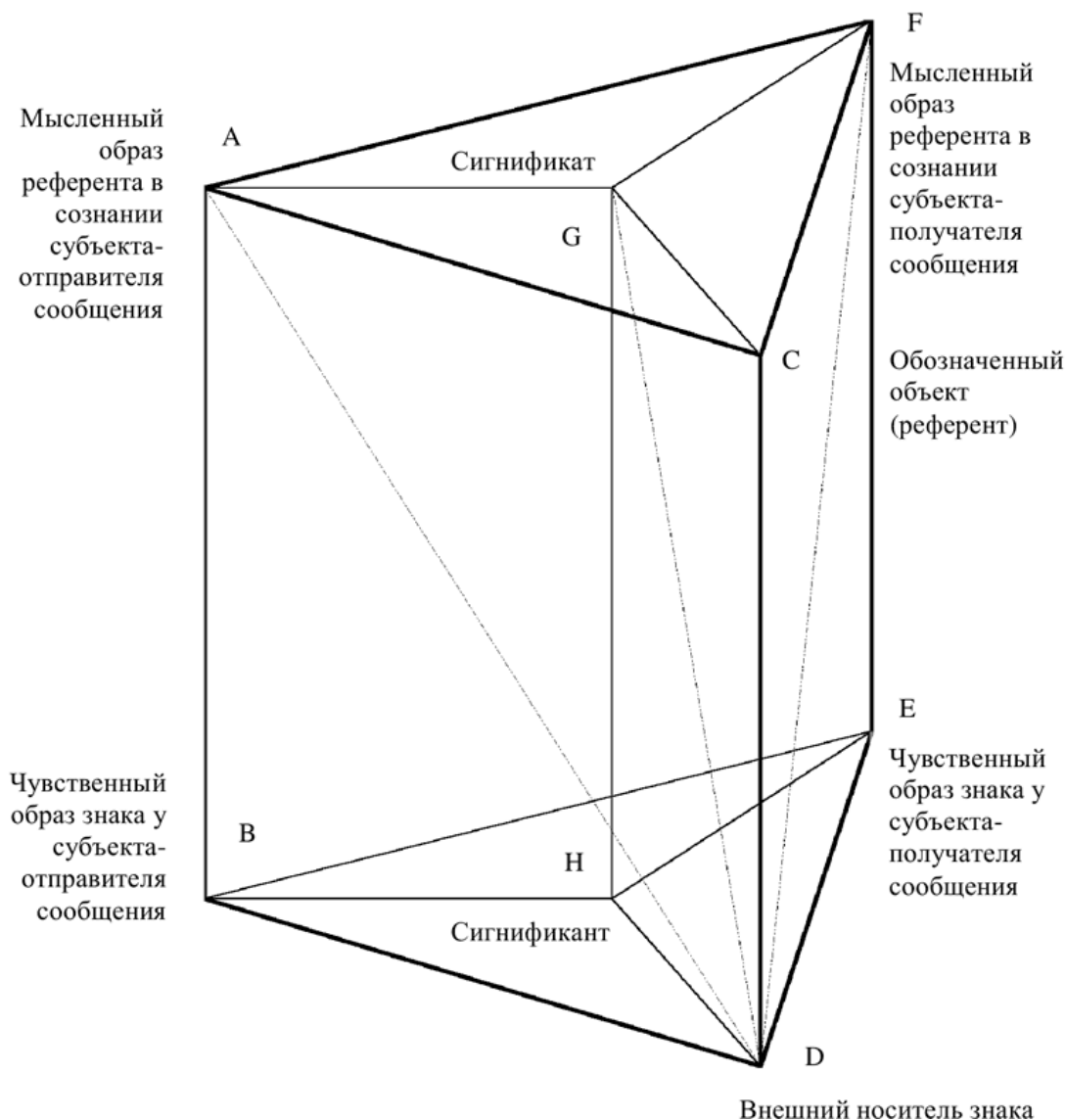

Схема 4. Пространственная модель знаковой связи («знаковая призма»)

7. Представленная на схеме «знаковая призма» образована элементами, необходимыми и достаточными для организации знакового способа связи и демонстрирует систему отношений между ними, т. е. структуру того особого механизма, который такой способ делает возможным. Модель «знаковой призмы» показывает отношения, в которые должно включиться некоторое явление, чтобы стать носителем знакового сообщения, конкретным «знаком-экземпляром». Таким единичным знаком может оказаться любое явление, которое способно занять позицию элемента «D» в системе моделируемых на схеме 4 отношений. Иными словами, *знак* (D) – это такое явление, которое выражает возникающий в сознании субъекта-отправителя мысленный образ (A) объекта (C), сформированный с помощью культурной нормы смыслообразования – сигнификата (G), – связанного в коде с культурной нормой выражения – сигнификантом (H), – с помощью которого у субъекта-отправителя строится представление (B) о требуемой форме знака (D), а в чувственном образе (E), возникающем при восприятии этого знака у субъекта-адресата, отбираются релевантные признаки, интерпретируемые посредством того же кодового отношения сигнификации (HG), которое предписывает реконструкцию в новом мысленном образе (F) содержания исходного мысленного образа (A).

Как система необходимых и достаточных элементов знакового механизма, приведенная схема воспроизводится во всех случаях знаковой связи. Структура этого механизма сохраняется как инвариант, не зависящий от возможных вариаций составляющих ее элементов. В этом можно убедиться, пробуя устранить из схемы «знаковой призмы» те или иные ее компоненты.

Так, например, нетрудно, казалось бы, удалить из нее обозначенный с помощью знака его референт (пункт «С» на схеме 4). Ведь весь механизм знаковой связи можно рассматривать как способ избавления от необходимости реагировать лишь на стимулы, связанные с наличной ситуацией, и иметь возможность передавать мысли не только об отсутствующих, но даже и о несуществующих объектах. Но именно в силу того, что этот механизм работает, наличие или отсутствие в данной ситуации репрезентируемого объекта никак не может повлиять на структуру «знаковой призмы». Место референта знака, независимо от того, занято ли оно каким-то конкретным объектом, всегда принципиально сохраняется, коль скоро сохраняется обязательная для всякого знака предметная отнесенность и его способность репрезентировать для субъекта некий внешний объект.

Такой же мнимой оказывается и кажущаяся легкость удаления других компонентов из общей системы связей. Скажем, пытаясь устранить из ситуации компоненты того или иного «субъектного ряда», невозможно все-таки освободиться от различения двух функций – отправителя и приемника сообщения и, соответственно, от ребер АВ и EF в схеме «знаковой призмы» – независимо от того, выполняются ли эти функции разными индивидами или одним и тем же.

Более того, даже тогда, когда отсутствует внешний материальный посредник и знаки воспроизводятся лишь в мысли субъекта, о знаковости этого процесса можно говорить лишь в той степени, в какой в нем присутствует аутокоммуникация, сохраняющая не только отличие функций «отправителя» и «адресата», но и функцию знакового посредника между ними, хотя в этом случае внешний знак замещается некоторым внутренним субститутом, таким, например, как начальные стадии артикуляции, служащие «субстанцией выражения» в процессах внутренней речи.

Каково бы ни было преобразование возможных компонентов, образующих «вершины» в модели «знаковой призмы» в межсубъектной связи или аутокоммуникации, два компонента, образующих центральный «инструментальный» ряд, остаются неизменными во всех случаях использования данного знакового средства. Входящие в этот ряд сигнификат, сигнификант и связывающее их отношение сигнификации, уже не зависят от того, употреблены ли они субъектом по поводу того или иного объекта в актах внешней или внутренней речи, поскольку относятся к общей системе знаковых средств – коду, языку – а не к конкретным актам их применения в речи или в пространственных текстах. Они только задают схему, по которой субъекты формируют свои представления о знаках и их значениях, но не входят непосредственно в информационную цепь, идущую от отправителя к адресату. Эти компоненты образуют только тот «стержень», вокруг которого могут быть построены разные информационные цепи. Наличие этого «стержня» вместе с разворачивающейся вокруг него стабильной системой отношений между переменными компонентами знакового процесса может служить критерием знаковости того или иного информационного средства.

8. Пространственная модель «знаковой призмы» включает в себя ряд более простых схем, вроде «семантического треугольника», известного в нескольких вариантах. Так, например, «треугольник Огдена и Ричардса», включающий в себя, наряду со знаком, обозначенный объект и мысль о нем у некоторого субъекта, не трудно узнать в треугольниках ACD и FCD. «Треугольник Фреге», отличающийся тем, что включает вместо мысленного образа в сознании субъекта, объективный, независимый от субъекта «смысл» (например, логическое понятие), можно узнать в треугольнике CDG, где вместо единичных идеальных обра-

зов присутствует общий сигнификат, предписанный кодом. Еще один вариант «семантического треугольника» представляют собой триады DGA и DGF, которые содержат элементы, выделенные в качестве исходных Ч. Моррисом: «знаковое средство», «десигнат» и «интерпретанту».

Схема «знаковой призмы» включает в себя и диаду компонентов, предложенную в семиологии Ф. де Соссюра (Соссюр 1977: 99–100): сцепление акустического образа («означающего») и того, что лингвист называл «понятием» («означаемого»), реализуется двумя «субъектными» рядами АВ и EF. В схеме содержатся и компоненты той версии пары «означающего» и «означаемого», которую дал Л. Ельмслев, заменив психологические элементы из диады Соссюра чисто семиотическим соединением «формы выражения» и «формы содержания», предписанным кодом. Такому антипсихологическому варианту диады соответствуют компоненты стержневого «инструментального» ряда GH.

Выделение каждой из подобных схем оправдано в рамках соответствующей исследовательской задачи. Разные научные дисциплины выделяют из целостного механизма знаковой связи те его аспекты, которые соответствуют их предмету. Так, например, из комплекса семантических отношений между компонентами плана выражения и плана содержания логическая семантика рассматривает лишь те, которые попадают в «треугольник Фреге» (CDG), причем, если на отношении CD специализируется «теория референций», то отношение CG становится уже предметом отделенной от нее «теории смысла». В отличие от логической семантики, семантика, взятая в рамках структурной лингвистики, имеет своим предметом отношения «инструментального» ряда GH, поскольку именно отношения «формы содержания» и «формы выражения» составляют стержень той системы знаковых средств, которую представляет собой изучаемый лингвистами язык. От лингвистической семантики в этом смысле существенно отличается психологическая семантика, которая, напротив, интересуется отношениями «субъектных» рядов АВ и EF.

Все эти отвлечения неприемлемы, однако для гносеологического анализа роли знаков в познавательных процессах, для которого наибольший интерес представляют собой уже не «вертикальные» семантические отношения компонентов плана выражения и плана содержания, а «горизонтальные» отношения между субъектами и объектами их познания. Это различие не всегда понятно на схемах «семантических треугольников», поэтому более наглядным средством его демонстрации могут служить прямоугольники ABCD и CDEF из схемы 4.

Для знаковых средств не менее существенны, чем субъектно-объектные связи, также и субъектно-субъектные отношения. И те и другие, взятые в отдельности, могут быть описаны с помощью классической схемы из теории связи К. Шеннона, где показана информационная цепь, состоящая из «источника», «приемника», «канала связи» и устройств кодирования и декодирования. На схеме «знаковой призмы» такую цепь между двумя коммуницирующими субъектами образует ряд A-B-D-E-F. В рамках этой цепи отношение выражения (AB), связанное с функцией кодирования, и отношение интерпретации (EF), связанное с функцией декодирования, образуют (в идеальном случае полного понимания) симметричную пару.

Но, как уже сказано, для знакового способа передачи информации, в отличие от сигнально-индексального опосредования, существенно совмещение субъектно-объектных и межсубъектных отношений в единый узел, что лучше всего демонстрируется «треугольником» К. Бюлера, который в схеме «знаковой призмы» вытягивается в пирамиду DACF.

Как видим, многие известные модели знакового опосредования могут быть представлены не как альтернативные, а как вполне согласуемые между собой части единого целостного механизма. До тех пор, пока выделение тех или иных аспектов этого механизма и абстрагирование от других его сторон остается лишь методологическим приемом, позво-

ляющим сосредоточиться на определенной исследовательской задаче, оно столь же правомерно и естественно, как, скажем, сосуществование рисунков различных фасадов какого-либо здания, его чертежей, планов, пространственного макета и т. п. И лишь абсолютизация какого-либо одного из этих аспектов, стремление свести только к нему все исследование знаковой связи, например, исключение субъектного или объектного ряда, ведет к искажению целостной картины и ее замещению каким-либо из ее фрагментов.

Рассмотренная выше интегративная модель «знаковой призмы» может служить удобным исследовательским инструментом, помогающим сохранить целостное представление о знаковом механизме и наглядно показать его общую структуру.

К теории знака⁷⁹

Теория знака представляет собой ряд утверждений, раскрывающих смысл, в котором употребляется слово «знак». Ее задача – выяснить условия, при которых нечто приобретает функции знака. Выяснение этих условий приводит к необходимости прояснить «механизм знаковой связи», т. е. структуру тех отношений, в которые нечто должно вступить, чтобы приобрести знаковые функции.

Элементы этого механизма рассматриваются здесь автономно, без обращения к таким понятиям, как, например, «субъект» или «средство» деятельности. Не используется и наглядная модель «знаковой призмы»: хотя обращение к ней помогает интуитивному схватыванию всей системы отношений как целого, принципиально важно описать механизм знаковой связи чисто дискурсивными средствами, с помощью одних только вербально сформулированных понятий.

Знаковая связь описывается ниже в системе терминов, последовательно соотносимых друг с другом и наделяемых только тем смыслом, который возникает из их отношений. Один и тот же элемент может раскрываться с разных сторон, через свои отношения с разными компонентами механизма знаковой связи. Поэтому возможны разные определения того же самого элемента, которые не исключают, а взаимно дополняют друг друга. Понятия теории знака вводятся таким образом, что их раскрытие требует дополнения новыми понятиями, связанными с уже введенными. Отсюда неизбежный для такой замкнутой системы логический круг в определениях понятий, взаимосвязь которых и образует теоретическую модель описываемого механизма.

Знак – это то, что имеет фиксированное значение.

Иметь фиксированное значение – значит быть систематически связанным с определенной схемой осмысления.

Схема осмысления знака (сигнификат) – воспроизводимый способ его соотнесения с определенным классом референтов.

Класс референтов данного знака – класс объектов, действительных или воображаемых, обладающих признаками, позволяющими соотносить их с данным знаком тем способом, который зафиксирован схемой его осмысления.

Референт знака – любой объект, соотнесенный с ним в соответствии со схемой осмысления данного знака.

Актуализация схемы осмысления знака – ее использование в конкретных актах соотнесения знака с классом референтов при построении смысловой конструкции.

Смысловая конструкция (смысл) – результат актуализации схемы осмысления знака, построенный с учетом заданного этой схемой способа соотнесения знака с референтом.

Значение знака – те элементы и структуры в смысловой конструкции, которые построены в точном соответствии со схемой осмысления знака.

Значение знака – это унифицированный смысл.

Смысл знака – это конкретизированное значение.

Смысловая конструкция может содержать, помимо значения, элементы и структуры, детерминированные чем-то иным, чем схема осмысления знака: ситуацией его употребления, контекстом, актуализацией непрямого, коннотативного, значения и т. п.

Актуализация схемы осмысления знака может быть первичной или вторичной.

⁷⁹ Тезисы доклада на семинаре по семиотике у С. В. Чебанова, СПбГУ, 2005 г. Публикуются впервые.

Первичная актуализация схемы осмысления знака – это образование смысловой конструкции (конструирование смысла), связанное с актом выражения.

Вторичная актуализация схемы осмысления знака – это воспроизведение смысловой конструкции (реконструкция смысла), связанное с актом интерпретации.

Выражением смысла называется актуализация схемы осмысления знака, соотнесенная с актуализацией схемы его формирования в соответствии с определенной нормой.

Схема формирования знака (сигнификант) – фиксированный набор признаков (свойств и отношений), в соответствии с которым производится проектирование, воплощение и идентификация знака.

Проектирование знака – актуализация сигнификанта как схемы, в соответствии с которой должно состояться воплощение знака.

Воплощение знака – преобразование некоторого субстрата, в результате которого создается или помещается в определенную позицию уже готовый знак-экземпляр.

Знак-экземпляр – «тело знака», материальный объект, имеющий признаки (свойства и отношения), фиксируемые сигнификантом как схемой формирования знака.

Знак-экземпляр может быть неоднократно репродуцирован в том же или в другом субстрате. Репродуцирование тела знака может быть механическим и обходиться без актуализации сигнификанта.

Репродуцированные знаки-экземпляры могут быть идентифицированы как воплощения одного и того же знака-образца, если в них обнаруживаются признаки, фиксированные в сигнификанте.

Идентификация знака – актуализация сигнификанта как схемы, в соответствии с которой производится фиксация заданных ею признаков в некотором материальном объекте и признание последнего как экземпляра определенного знака.

Проектирование и идентификация знака в соответствии со схемой его образования называются, соответственно, первичной и вторичной актуализацией сигнификанта.

Результат первичной актуализации сигнификанта называется *планом знака*.

Результат вторичной актуализации сигнификанта называется *образом знака*.

Интерпретацией знака называется вторичная актуализация схемы осмысления знака, то есть – его сигнификата.

Непосредственный результат интерпретации знака-экземпляра – его отнесение к референту с помощью вторичной актуализации сигнификата.

Опосредованный результат интерпретации знака-экземпляра – установление между ним и референтом отношения референции.

Отношение референции – отношение между знаком-экземпляром (телом знака) и его референтом, установленное при интерпретации в соответствии с системной нормой связи между сигнификантом и сигнификатом.

Системная (заданная семиотической системой) норма связи между сигнификантом и сигнификатом называется *отношением сигнификации*.

Отношение между первичной актуализацией сигнификата и первичной актуализацией сигнификанта называется *отношением выражения*.

Отношение между вторичной актуализацией сигнификанта и вторичной актуализацией сигнификата называется *отношением интерпретации*.

Отношения референции, сигнификации, выражения и интерпретации называются *семантическими*.

Тело знака, его план, его образ и сигнификант, с которым они все соотнесены, образуют *план выражения знака*.

Референт знака, первичное и вторичное осмысление знака и сигнификат, с которым они все соотнесены, образуют *план содержания знака*.

Планы выражения и содержания единичных знаков способны включаться в одноименные планы более сложных знаковых конструкций, участвующих в процессах знаковой связи.

Знаковая связь – связь между выражаемым и интерпретируемым смыслами (как результатами первичной и вторичной актуализации сигнификата), осуществляемая через механизм знаковой связи.

Механизм знаковой связи – система семантических отношений между компонентами плана выражения и плана содержания знака.

Иначе говоря, механизм знаковой связи – это опосредованная нормами сигнификации цепь связей между первичными актуализациями сигнификата и сигнификанта в акте выражения и вторичными их актуализациями в акте интерпретации.

Знак (экземпляр) – все, что способно выполнять коммуникативные и репрезентативные функции с помощью механизма знаковой связи.

Иными словами, *знак* – это то, что вступает в отношение референции к некоторому объекту (референту), благодаря отношениям выражения и интерпретации, согласованным с отношением сигнификации.

III. Пространственный семиозис

Пространственный семиозис и время⁸⁰

Различия пространственного и временного семиозиса

Между пространственным и временным семиозисом имеются существенные различия, связанные с их разным отношением ко времени. Прояснение этих различий принципиально важно для формирующейся семиологии пространства и ее притязаний на место особой ветви теории знаков. Пространственный семиозис строится как такой процесс информационной связи, в котором план выражения носителей сообщения создается конфигурациями сосуществующих друг подле друга пространственных форм. Их временные отношения не рассматриваются как значимые – в отличие от временного семиозиса, в котором порядок чередования появляющихся и тут же исчезающих знаков наделяется значением. В своем «чистом» виде пространственный семиозис имеет место лишь тогда, когда пространственными отношениями выражены все значения как в области денотации, так и в области коннотации. Если это условие не выдерживается, и временным отношениям так же придается значение, можно говорить уже о разных типах смешанного пространственно-временного семиозиса.

Эти различия касаются именно семиотической *формы выражения*, которая задается соответствующими кодами: пространственными, временными, пространственно-временными и их сочетаниями. *Пространственные коды* можно рассматривать как системы норм, в соответствии с которыми производится семиотизация пространства – то есть организация и интерпретация значимых пространственных отношений. В соответствии с этими нормами конструируются и реконструируются *пространственные тексты*, отличимые от своих телесных носителей тем, что не содержат отношений, не предусмотренных пространственными кодами. Последние регламентируют процесс передачи сообщений таким образом, что временные отношения, имеющиеся в этом процессе, перестают что-либо значить, поскольку остаются вне текстов, образуемых средствами одних лишь этих кодов. Точно так же во временном семиозисе есть, но ничего не значат, отношения пространственного сосуществования.

Со стороны же *субстанции выражения* принципиальных отличий между пространственным и временным семиозисом как раз нет, поскольку в обоих случаях имеет место процесс коммуникации между отправителем и приемником с помощью телесного посредника, для которого и пространство, и время остаются неотъемлемыми атрибутами.

Основания для выделения пространственного семиозиса, поэтому, не физические и не психические, а именно *семиотические*. К нему относятся способы выражения смыслов с помощью таких носителей, в которых пространственные отношения не просто присутствуют и воспринимаются, но также по определенному принципу отбираются и осмысля-

⁸⁰ Опубликовано в сб.: Научные чтения–2004. Материалы конференции 6–17 декабря 2004 г. Санкт-Петербург / Приложение к журналу «Язык и речевая деятельность» (т. 6). СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2005: 253–259. Доклад впервые представлен на VIII семиотическом конгрессе в Лионе: Spatial Semiosis and Time // Signs of the World. Interculturality & Globalization. VIII Congress of International Association of Semiotic Studies. Lyon. July 7th–12th 2004. Program & Abstracts. Lyon, 2004: 402–403.

ются в соответствии с теми значениями, которыми они наделены в системе того или иного пространственного кода.

Отличия пространственного семиозиса от временного сказываются, прежде всего, на структурных и функциональных особенностях текстов. Пространственные носители значений, обращенные преимущественно к зрительному восприятию, позволяют выстраивать отношения между значимыми единицами в структуры иных типов, чем цепи следующих друг за другом сигналов, обращенных преимущественно к слуху (см.: Якобсон 1972). Пространственные структуры могут принципиально отличаться от временных своими семиотологическими качествами: неоднородностью, обратимостью, типами симметрии и асимметрии (см.: Tchertov 2000; см. также ниже: «Пространственные тексты...»). Вариации этих качеств позволяют синтаксическим структурам в неоднородном семиотизированном пространстве быть более разнообразными и сложными, чем структуры, вписанные в линейный порядок времени.

Однако, во-первых, время, выведенное в пространственных текстах за пределы семиотической «формы» их плана выражения, остается, в его физической и психической «субстанции», сказываясь на пространственном семиозисе как коммуникативном процессе. Во-вторых, пространственный семиозис вырабатывает специальные средства репрезентации времени в плане содержания.

Пространственный семиозис во времени

Специфика пространственного семиозиса состоит не в том, что он существует вне времени, а в том, что его бытие во времени иначе организовано. В случае временного семиозиса из самой его природы следует, что передача и получение сообщений должны быть *синхронизированы*, поскольку вне времени своего воспроизведения последовательность значимых единиц для восприятия недоступна. Поэтому во временном семиозисе отправитель сообщения всегда присутствует с его получателем в общем акте коммуникации – хотя бы виртуально, через воспроизведенный голос или изображение. Для пространственного семиозиса характерна *иная временная структура*. Поскольку в нем время не включается в текстообразующие отношения, складываются условия, допускающие его осуществление как *диахронного* процесса, где коммуникация распадается на два разновременных акта: создание и «чтение» пространственного текста.

Разделенность этих актов во времени позволяет им, во-первых, иметь разную продолжительность, когда акт создания текста может занимать долгие годы и даже эпохи (как, например, строительство Кёльнского собора), а акт его восприятия и осмысления быть несопоставимо кратким. Во-вторых, акты создания и получения пространственного сообщения могут быть значительно разнесены между собой во времени, что делает возможной связь не только современников, но и людей, принадлежащих разным поколениям и историческим периодам. Сообщения, воплотившиеся в устойчивом пространственном носителе, способны надолго переживать своих создателей и потому естественно «выпадают» из контекстов, в которых они создавались.

Из особенностей структуры коммуникативного акта в пространственном семиозисе проистекают и существенные отличия его *функций*, имеющие самое серьезное культурологическое значение. Способность пространственного семиозиса надолго сохранять информацию и переносить ее «на дальние дистанции» во времени открывает иные способы сохранения культурной памяти, чем те, которые дает передача сообщений в синхронизированных контактах их отправителей и получателей. Архитектурные сооружения и формы предметов запечатлевают следы деятельности прошлых поколений, давая потомкам доступ к непосредственным ее результатам и материал для *археологических реконструкций*. Точно

так же сохранение во времени письменных текстов позволяет пронести через эпохи «букву» и на этой основе воспроизводить «дух» их создателей, открывая возможность для *истории* как знания о прошлом, отделенного от устного предания и опирающегося на письменные документы. *Письменность* как особая форма пространственного семиозиса делает возможным и появление *литературы*, уводящей тексты индивидуальных авторов из-под характерной для фольклора «цензуры коллектива», который передает следующим поколениям только то, что был готов принять и усвоить (см.: Богатырев, Якобсон 1971).

Разумеется, и письменные тексты не избавлены от препятствий для их сохранения и распространения: написанная книга может быть переписана с ошибками или сознательно уничтожена, Александрийская библиотека может сгореть и т. п. Но именно подобные примеры показывают, какой ущерб культурной памяти может нанести несохранение пространственной формы письменных текстов.

Введение пространственного текста в новые исторические контексты, где они наделяются новыми смыслами, сопровождается не только сменой участников коммуникации, но изменением и тех кодов, с помощью которых этот текст интерпретируется, и нередко – ментальности получателей пространственного сообщения. В такой ситуации отдельные коммуникативные акты и исторические преобразования семиотических систем оказываются сопоставимы друг с другом по времени, что затрудняет для пространственного семиозиса само различение синхронии и диахронии, функционирования и эволюционных изменений.

Неравномерность исторической эволюции пространственных кодов делает неизбежным смещение смысловых акцентов и изменение способов интерпретации, особенно тех пространственных текстов, которые имеют сложную семиотическую и риторическую структуру и предполагают осмысление с помощью сразу нескольких семиотических систем. Такими полисистемными текстами являются, в частности, произведения искусства. С этой точки зрения вся история искусства и художественной культуры может быть рассмотрена не только как история освоения визуально-пространственных кодов художниками, но и как история изменения соотношений между этими кодами в зрительском восприятии (ср.: Wallis 1970).

Все это относится, однако, лишь к внешним аспектам функционирования и исторического *бытия пространственного семиозиса во времени*. Однако для пространственного семиозиса существенны еще и аспекты *бытия времени* в нем самом.

Время в пространственном семиозисе

Об отображении времени в пространственном семиозисе можно говорить, по крайней мере, в двух аспектах: как о семиотических средствах презентации плана выражения пространственных текстов во времени и как о средствах репрезентации времени в их плане содержания.

Средства *презентации* во времени предусматриваются, во всяком случае, для таких пространственных текстов, которые строятся и интерпретируются с помощью кодов, соотносящих их с текстами, организованными темпорально. Наиболее яркий пример здесь – *алфавитное письмо*, специально созданное для перевода в пространственную форму текстов вербального языка, «весь механизм» которого ориентирован на развертывание во времени последовательности звучащих знаков (Соссюр 1977: 103). В «Курсе...» Соссюра содержатся утверждения о том, что «язык и письмо суть две различные системы знаков», что «фонетическая» система письма, стремится «воспроизвести звуковую цепочку, представляющую слово», а также полемика с теми лингвистами, которые недостаточно ясно отличают язык от его алфавита (Там же: 62–64).

Все это хорошо согласуется с той картиной соотношений между письмом и вербальным языком, которая рисуется с позиций семиологии пространства. С этих позиций правила алфавитного письма предстают как способы семиотизации пространства, которые выделяют в нем одно значимое измерение и задают ему направленность, что приближает семиотологическую структуру письменного текста к структуре речи – линейной и необратимой. Буквы как знаки этого пространственного кода имеют своими значениями не понятия (как в случае идеографии), а фонемы и их последовательности, то есть единицы плана выражения вербального языка. Соответственно, пространственные отношения (например, «левее – правее») между буквами как единицами плана выражения алфавитного письма, соотносены с временными отношениями «раньше – позже» между фонемами, которые в системе этого пространственного кода оказываются уже единицами его плана содержания. При том, что собственное время отсутствует в плане выражения письменного, как и всякого иного, пространственного текста, соотношение с внутренним временем устных текстов оказывается встроенным в форму содержания алфавитного письма как особого пространственного кода, который организует проекцию временного порядка на пространство.

Принадлежность письма и вербального языка двум разным типам семиозиса – пространственному и временному – делает возможным такой их синтез, при котором пространственное кодирование позволяет сохранять и распространять условия для воспроизведения временной формы выражения в речи.

Однако как раз приближение структуры письменных текстов к структуре устных и тесная соотнесенность алфавитного письма с процессами конструирования и реконструирования речевых потоков во времени делают его кодом, наименее характерным для пространственного семиозиса, и ставят в особое положение среди других пространственных кодов, столь прямо не связанных с задачей перевода временных носителей значений в пространственные. Презентация во времени других типов пространственных текстов *семиотически* организуется иначе и не требует такого последовательного соотношения значимых единиц, упорядоченных в пространстве, с рядами единиц, линейно упорядоченных во времени. Например, семиотическая организация картины или архитектурного сооружения более связана со спецификой зрительного восприятия, которое по своей природе настроено на охват соотношений между сосуществующими в пространстве объектами именно в виде целостной картины. Такие пространственные тексты, в отличие от письменных, не служат записью упорядоченных во времени речевых сообщений, и их принципиально нельзя свести к линейной последовательности знаков.

Правда, восприятие картины может быть сопоставлено с чтением как упорядоченный во времени процесс, направляемый специальными художественными средствами (см.: Флоренский 1993б: 230–231). Но даже в письменной записи речи или в нотной записи мелодии последовательностью восприятия во времени управляет их пространственная организация, что и позволяет относить их к пространственному семиозису. Тем более, способность картины «притягивать» взгляд вначале к каким-то одним местам, «пряча» от него какие-то другие и направляя ход своего восприятия, не уводит ее из сферы пространственного семиозиса и не превращает в произведение временного искусства. Ведь сама последовательность ее созерцания организуется пространственными отношениями между видимыми элементами – структурой линий, системой цветовых контрастов, нюансов и т. п. Об организации такого «картинного» восприятия во времени точнее говорить не как о выстраивании всего видимого в линейный ряд, а как о последовательном переходе от одного пространственного «слоя» изображения к другому, который отличается от первого своими масштабами, силой контрастов, принадлежностью к разным планам или другими особенностями.

Наряду со средствами презентации плана выражения пространственных текстов во времени, в пространственном семиозисе развиваются средства *репрезентации* времени

уже в *плане содержания*. Эти средства позволяют «показывать» время и как порядок отношений между отдельными моментами, и как длительность непрерывного процесса, представлять его в разных модусах: в прошлом, настоящем или будущем, в отдельных событиях или в целом – как феномен, с которым человек связывает свои особые смыслы. Средствами пространственного семиозиса могут быть выражены разнообразные представления о времени и способы его понимания, складывающиеся в мифологии, в научных и философских концепциях или в обыденном сознании.

Репрезентация времени в пространстве приобретает разные семиотические формы и опирается на различные способы соотнесения пространственного «означающего» с временным «означаемым». Запечатление прошлого в настоящем и сохранение настоящего в будущем отчасти происходит произвольно, в силу одних лишь природных законов, как, например, след от катившегося колеса остается пространственной разверткой его движения. К подобным «естественным знакам» (которые допускает традиция, идущая от Августина) культура добавляет искусственные способы запечатления времени в пространственных формах: сознательно вводимые *индексы* прошедших событий, *сигналы* предстоящих действий, пространственные *знаки* или *символы* конкретных процессов и времени вообще (колесо, спираль и т. п.).

Символическое представление времени или его периодов в одних случаях строится на основе *метонимии*, когда придается общий смысл деталям, присущим определенным периодам, и, например, дорическая колонна делается символом античности, а стрельчатая арка – средневековья. В других случаях оно опирается также и на некоторую пространственно-временную *метафору* – такую, как течение воды, осыпание песка, механическое вращение колес и т. п. Каждая такая метафора времени может иметь не только мифологическое или художественное, но и техническое воплощение и проявиться, например, в пространственной форме часов: водяных, песочных или механических. Те же формы часов правомерно рассматривать и как пространственные *модели* времени, репрезентирующие представления о нем, характерные для целой исторической эпохи (см. ниже: «Часы как пространственная модель времени»). Вместе с тем в каждой из этих форм используется общий для них способ индексации временного порядка с помощью пространственного – тот же принцип их взаимной *проекции*, что и в случае письменных текстов.

Подобная проекция пространственного и временного порядков обнаруживается и в других случаях их соотнесения, особенно, когда необходимо «превратить пространство изображения во время рассказа» (Лихачев 1979: 37) или произвести обратную операцию. Она присутствует и в изображении эпизодов похода на колонне Траяна, и в последовательности евангельских сцен в мозаиках Равенны, и в порядке расположения иконописных клейм на иконах или миниатюр в средневековых рукописях – вплоть до серий изображений, соответствующих стадиям рассказа в современных комиксах.

В пространстве изображения можно репрезентировать не только временные *порядки* и отношения между дискретными моментами, но и *длительность* непрерывно протекающих изменений. Семиотической формой такого соотнесения будет уже не проекция, а *концентрация* в одном эпизоде разновременных событий – как, например, в изображениях «летающего галопа» бегущей лошади, где совмещены сразу несколько стадий реального движения (см., наприм.: Волков 1977: 134–139).

Пространственные формы способны репрезентировать отдельные моменты времени, «вынося» следы прошедших событий из его «потока» и запечатлевать их в какой-то более устойчивой субстанции. Таким запечатлением являются, например, портретные изображения давно ушедших людей – от египетских и римских посмертных масок до современных фотографий. Всякое пространственное изображение так или иначе «выводит» видимый облик изображаемого из уносящего его потока изменений, хотя может делать это по-раз-

ному, воспроизводя его общую «идею», его типичное состояние или выхватывая случайный момент его движения.

Такое же запечатление в пространстве ушедших в прошлое событий и времени, которому они принадлежали, производится и средствами архитектуры. Не только могильная плита («сема») или памятник определенного события, но и вообще архитектурные сооружения, которым удастся пронести через время стилистику иных эпох, хотя бы в виде руин, способны доносить следы прошедшего до настоящего и будущего. Стилизация и историзм сознательно репродуцируют эти следы, устанавливая смысловую связь с прошлым уже со стороны настоящего.

Запечатлевая прошлое, архитектурные формы соотнесены также с будущим. По крайней мере все их элементы, значимые в системе предметно-функционального кода, служат и сигналами, которые направляют предстоящие действия: открытые двери побуждают войти, ступени лестницы – подняться и т. п. Архитектурные формы способны репрезентировать даже ход времени вообще, трактуя его то как регулярное возвращение к тому же самому (Стоунхендж), то как необратимое спиралевидное развитие («Башня III Интернационала» В. Татлина).

Вслед за М. Бахтиным, писавшим о формах хронотопа в романе (Бахтин 1975), можно думать и о формах хронотопа в произведениях пространственных искусств: в картине, в скульптуре, в архитектурных сооружениях. Однако в каждом из этих случаев имеет место не просто единство пространства и времени, но, с одной стороны – определенный семиотический способ выражения времени в пространственных формах, а с другой – определенный аспект темпоральной семантики, представляемый этими средствами.

Если в речи или музыке план выражения строится как последовательность знаков во времени, а пространство репрезентируется в плане содержания, то в пространственном семиозисе, уже наоборот, пространственными отношениями строится план выражения, а в плане содержания может быть репрезентировано время. Прояснение способов репрезентации времени в пространственных текстах, так же как и способов презентации этих текстов во времени, становится возможным при том условии, что осознается различие пространственного и временного семиозиса, и общая констатация «пространственно-временного единства» сменяется анализом тех семиотических средств, с помощью которых оно достигается.

К семиотике пространственных кодов⁸¹

Пространственные коды

Всякое включение пространства в человеческую деятельность предполагает его осмысление и организацию – реальную или только идеальную. Пространство, организованное как средство смысловыражения, превращается в текст, в широком семиотическом смысле. Такими текстами могут быть отнюдь не только письменные сообщения, но и многие другие пространственные объекты, если только они структурируются и осмысляются в соответствии с определенной системой норм и правил, выработанных в культуре. Известные слова П. А. Флоренского о том, что «вся культура может быть истолкована как деятельность организации пространства» (Флоренский 1993б: 55) справедливы именно потому, что организация пространства представляет собой деятельность не только физическую, но и духовную и может рассматриваться не только со своей материально-технической стороны, но и со стороны семиотической.

Организация пространства в тексты, осмысленные и структурированные в соответствии с определенными культурными нормами, есть его семиотизация. Последняя предполагает, во-первых, вычленение пространственных элементов и структур, ответственных за передачу смыслов, во-вторых, установление норм их интерпретации и, в-третьих, определение условий их применения интерпретаторами. Тем самым, задаются, соответственно, синтаксические, семантические и прагматические правила, образующие в совокупности «язык», как это понятие определялось одним из основателей семиотики (см: Моррис 1983: 67–68), или «пространственный код», в терминах настоящей работы.

Как и всякие другие, пространственные коды включают в себя лишь связи между «формой выражения» и «формой содержания», но не их «субстанцию», в терминах Л. Ельмслева (см.: Ельмслев 1999: § 13). Однако, вопреки мнению датского лингвиста, особенности субстанции, по крайней мере – плана выражения, для них отнюдь не безразличны. Так же, как механизм вербального языка зависит от принципа последовательной передачи акустических сигналов во времени (см.: Соссюр 1977: 103), так и организация пространственных кодов не может оставаться независимой от специфики пространственных носителей значений. Но в рамках возможностей, предоставленных этими носителями, конкретные способы семиотизации пространства могут быть различны. Неодинаковыми оказываются и соответствующие этим способам пространственные коды. Их единицы могут образовываться пространственными отношениями разных типов, а осмысление этих единиц осуществляется с помощью нетождественных семиотических механизмов. В частности, пространственные отношения могут приобретать значения как следы предыдущего, симптомы настоящего или признаки будущего; они могут служить знаками орудийных или коммуникативных действий, так же, как и символами социального статуса тех или иных субъектов деятельности. При этом, соответственно, используются сигнально-индексальные, знаковые и символические средства, принадлежащие разным уровням информационной связи (см. подробнее: Чертов 1993). Можно выявить и пространственные коды, в которых будут доминировать семиотические средства каждого из этих трех уровней.

Такие различия проявляют, в частности, три пространственных кода, рассматриваемые ниже. Каждый из них характеризует определенный тип организации семиотиче-

⁸¹ Опубликовано в сб.: Семиотика пространства. Сб. науч. трудов Международной ассоциации семиотики пространства / Под ред. А. А. Барабанова. Екатеринбург: Архитектон. 1999: 93–101.

ской системы, в рамках которого могут складываться конкретные коды, которые обладают общими для этого типа признаками, но различаются между собой сферами своего применения, культурно-историческими условиями своего формирования, стилистическими особенностями и другими свойствами.

Архитектонический код

Архитектонический код представляет собой комплекс зрительно воспринимаемых признаков тех сил, которые влияют на образование, сохранение или изменение видимых пространственных форм. Благодаря таким признакам, видимое материальное тело воспринимается не только как геометрическая форма, но как более или менее тяжелая и плотная масса, обладающая твердостью, прочностью и другими физическими качествами, а положение этого тела в пространстве переживается как состояние устойчивости или неустойчивости, равновесия или неравновесия.

План выражения архитектурного кода составляют такие признаки видимых пространственных объектов, как их величина, форма, ориентация по отношению к вертикальным и горизонтальным осям и взаимное расположение в пространстве. Наряду с формами, заполненными плотной массой, в архитектурном коде имеют значение и «пустые» объемы между ними.

План содержания в архитектурном коде создается моторными образами действующих в пространстве сил. Пространственная форма в нем интерпретируется независимо от своих предметных функций, но в связи с представлениями о действующем на нее силовом поле. Ее вид указывает на действие реальных или мнимых сил тяжести, давления, упругости, натяжения и т. п. Особенности форм говорят о взаимодействии этих сил, доминировании одних, подчинении им других, равновесии третьих. Выпуклая форма, например, шара производит ощущение преобладания внутренних сил над внешними; вогнутая форма, наоборот, кажется результатом преодоления внешними силами внутреннего сопротивления. Плоские грани куба выглядят как результат достигнутого равновесия между внешними и внутренними силами. Формы менее симметричные указывают на неоднородное силовое воздействие на разных их участках. Например, диск соединяет в себе круглую форму, ощущаемую как результат равномерного действия на его края радиально направленных центробежных сил, и в то же время – плоские стороны, кажущиеся результатом сплющивания под внешним давлением.

Наряду с формами плотных непроницаемых тел и их значимыми частями, единицами архитектурного кода являются и «пустые» объемы, открытые или замкнутые. Хотя эти объемы и не воспринимаются как целостные формы, они имеют различающие их качественные и количественные характеристики, доступные для созерцания и влияющие на их динамическое осмысление. Каждый такой объем, в зависимости от своих размеров и конфигурации, оставляет больше или меньше свободы для движений в нем или сквозь него тела человека или предметов. Несмотря на свою пустоту, каждый объем может быть воспринят как поле действия разнонаправленных сил – центробежных, центростремительных, притяжения, отталкивания и т. п. Длинный вытянутый коридор, например, создает ощущение сдавленности и как бы «выталкивает» попавшего в него человека к выходу. Круглая площадь, напротив, выделяет некий стабильный центр, обладающий «силой притяжения»; помещенное в него тело кажется занимающим «естественное» и более устойчивое место, чем в других частях площади (ср.: Арнхейм 1974: 24–28; 1984: 62–66).

В архитектурном коде роль грамматики выполняют правила построения значимых пространственных отношений. Организованные по этим правилам пространственные конструкции образуют «синтагмы» архитектурного кода. Однако существенное отли-

чие пространственной синтагматики от временной состоит в том, что она не подчиняется принципу линейности означающего, по мысли Ф. де Соссюра, лежащему в основе всего лингвистического механизма. Пространственные синтагмы развернуты не в одном, а сразу в двух или трех измерениях. В частности, в системе архитектурного кода разные динамические значения приобретают формы, включенные в вертикальные и в горизонтальные пространственные синтагмы.

В вертикальной плоскости пространственные формы и их значимые конструкции имеют своим динамическим значением, прежде всего, отношения между образующими их массами и силой земного притяжения, преодолеваемой с помощью системы опор. Подчинение силе тяготения или ее преодоление визуально выражаются в архитектурном коде как порядком размещения пространственных форм по вертикальной оси, так и внутренними пропорциями самих этих форм. В таком взаимном дополнении внешних и внутренних пространственных отношений можно видеть аналог взаимодействия синтаксических и морфологических признаков в речевых конструкциях.

Благодаря тому, что функция формы в конструкции выражается не только порядком, но и особенностями самих этих форм, возникает их взаимное согласие в целой конструкции, которое можно сравнить с согласованием слов в предложении. Форма капители в античном ордере согласована с лежащим на ней карнизом, с одной стороны, и стволом колонны — с другой. Горизонтальная плоскость, которой сверху заканчивается капитель, указывает на требуемое ордерной системой продолжение — положенную на нее горизонтальную балку. Без этого форма остается зрительно незавершенной, неполной. Противоположное значение имеет острое или закругленное завершение вертикального ряда (например, шпиль, купол, тимпан, акротерий и т. п.), которое зрительно исключает дальнейшее развитие конструкции вверх и как бы ставит точку в вертикальной синтагме. Выше ее может быть только пустое пространство, без которого и вершина шпиля не воспринималась бы как крайняя точка конструкции.

Обратный порядок значимых форм вертикальная конструкция приобретает в том случае, если она не поставлена на нижнее основание, а подвешена на опору, помещенную сверху (например, люстра). В этом случае, наоборот, чем ниже оказывается зрительный центр тяжести по отношению к точке прикрепления, тем более сильно выражено противостояние силе гравитации. Если висящую форму завершают снизу острые или дугообразные детали, на которые невозможно опираться, а за ними следует пустое пространство, то провисание видимой массы будет выражено еще сильнее (ср.: Земпер 1970: 170, 238–239).

В отличие от поляризованных конструкций с выраженным верхом и низом, формы, симметричные относительно вертикальной оси, допускают зрительное переворачивание — что служит признаком мобильности вещи, ее способности менять свое положение (таковы, например, формы колеса, мяча, ящика для посылок и т. д.). В перемещаемой форме может быть морфологически выражено направление движения и даже его скорость: форма космической ракеты более стремительно возносится зрительно вверх, чем форма воздушного шара, так же как силуэт гоночного автомобиля резче выражает направление и скорость движения, чем силуэт трамвая.

Последний пример относится, однако, уже к ориентации не в вертикальной, а в горизонтальной плоскости, где действуют несколько иные правила морфологии и синтаксиса. Основное отличие горизонтальных синтагм от вертикальных определяется тем, что для них становится несущественным различие между опорой и грузом, но зато делаются более важными признаки, указывающие на возможность движения как самой конструкции, так и человека по отношению к ней.

Формы, предназначенные для направленного перемещения в пространстве (например, для транспорта), имеют, как правило, ясно выраженное в их строении отличие продольного

направления от поперечного, сопровождающееся нередко и поляризацией передней и задней части при сравнительно слабо выраженной асимметрии левого и правого. Можно сравнить, например, асимметрию носа и кормы корабля в продольной плоскости и симметрию его бортов в поперечной. Предметы, не имеющие явно выраженной ориентации своего движения в горизонтальной плоскости, наоборот, характеризуются отсутствием противопоставления фронтальной и боковых плоскостей и снятием оппозиции «переднее – заднее». Их функциям больше соответствует симметричная форма круга.

Подобно перемещаемым в пространстве предметам, стабильные сооружения имеют большую или меньшую степень симметрии в зависимости от того, насколько однозначно задано направление предполагаемого в них или около них движения в горизонтальной плоскости. Круглую арену цирка и туннель для поездов в метро можно рассматривать как крайние случаи пространственных структур, соответственно, с предельно слабо или предельно сильно выраженной направленностью движения.

Для перемещающегося преимущественно в горизонтальной плоскости человека выстроенные на ней формы и пространственные конструкции различаются, прежде всего, тем, какие возможности для движения они создают. Непроницаемая масса твердого тела и «пустой», открытый для движения в нем, объем пространства составляют основную пару значимых единиц, образующих горизонтальные синтагмы в системе архитектурного кода.

Соединение непрозрачных («заполненных») и прозрачных («пустых») объемов позволяет из этих исходных единиц архитектурного кода строить более или менее сложные синтаксические конструкции в горизонтальной плоскости. В зависимости от того, ограничены ли «пустые» объемы друг от друга непрерывной преградой или нет, они образуют открытые или замкнутые участки пространства, которые в плане содержания имеют разные динамические значения, выражая разницу в свободе перемещения.

Совокупность открытых и замкнутых объемов, создаваемая той или иной комбинацией массивных тел и пустых промежутков, опор и перекрытий, преград и проемов, образует своеобразный архитектурный «текст», говорящий о возможности движения в одних местах и его невозможности в других. Однако о смысле этих пространственных перемещений средства архитектурного кода еще ничего не сообщают. Передавать смыслы предметных действий и социального поведения – задача предметно-функционального и социально-символического кодов.

Предметно-функциональный код

Связь между формой пространственного объекта и его функцией выражается с помощью предметно-функционального кода. Если архитектурный код опирается на естественные связи видимой формы с физическими процессами, в которых она так или иначе может принимать участие, то предметно-функциональный код целиком обусловлен культурными нормами, которые определяют и внешний вид значимой формы, и ее динамическое значение, и связь между тем и другим. Правда, в отличие от знаков вербального языка, значимые формы предметно-функционального кода отнюдь не произвольны, но зависят от ряда технологических факторов – способов практического использования соответствующих предметов, техники их конструирования, возможностей материалов и т. д. Но сложившаяся под влиянием этих факторов форма закрепляется в культуре – как в материальной практике, так и в идеальной сфере, в коллективном и индивидуальном сознании. Ставшая стабильной единицей практического мышления предметная форма приобретает «инерцию», позволяющую ей сохраняться даже при изменении ее функций и способов конструирования. В качестве единицы семиотической системы предметная форма, пусть и мотивированная

техническими факторами, не тождественна несущей ее материальной конструкции, как не тождественна «форма» реализующей ее «субстанции» в любой знаковой системе.

Несовпадение между механически обусловленной материальной конструкцией и несущей информацию формой проявляется и в том, что значимыми элементами формы становятся отнюдь не все имеющие технический смысл детали, но только те, которые доступны зрительному восприятию и рассчитаны на него. В свою очередь носителями информации в предметно-функциональном коде могут быть и технически бесполезные или даже вредные элементы формы. Различие между функционализмом, сводящим к минимуму разницу между техническим и информационным аспектами формы, и стайлингом, допускающим большой разрыв между ними, возможно именно потому, что значимая форма, как единица предметно-функционального кода, не тождественна форме, обусловленной лишь технической конструкцией.

Видимые предметные формы, прошедшие культурный отбор и укоренившиеся в коллективном сознании в виде устойчивых представлений, становятся основными единицами плана выражения в той или иной разновидности предметно-функционального кода («языка» одежды, посуды, орудий труда и т. п.). В индивидуальном сознании, сформированном в данной культуре, этим представлениям соответствуют перцептивные схемы, соотнесение с которыми позволяет узнать в видимой форме предмет, принадлежащий тому или иному классу. Исследователи зрительного восприятия констатируют, что вместе с лексиконом вербального языка память человека хранит и лишь частично совпадающий с ним «словарь зрительных образов», с помощью которых происходит узнавание и категоризация предметных форм (см.: Глезер 1966. Гл. III. 2). В процессе узнавания предмета может участвовать как вербальный, так и визуальный «словарь». Однако для визуального восприятия вербальная категоризация все же вторична. Прежде чем назвать видимый предмет «столом» или «автомобилем», нужно идентифицировать его образ с хранимой в памяти зрительной схемой, то есть с единицей именно визуального «словаря». Привлечение же вербальной категории при опознании предмета возможно, но не обязательно.

Подобно слову, которое лингвисты рассматривают как единство означающего и означаемого, предметная форма имеет значение, роль которого уже в плане содержания играет представление о ее функции. Как и видимая форма предмета, способ его использования фиксируется в коллективном сознании в качестве общепризнанной нормы, которая закрепляется в сознании освоивших эту норму индивидов в виде схемы предметного действия или отдельных операций, его составляющих.

Предметно-функциональным кодом регламентируется осмысление не только предметных форм, но и пространственных зон, имеющих фиксированное функциональное назначение. Помещение библиотеки или спортивного зала, пространство шоссе или пешеходной зоны и т. д. ориентированы на разные способы поведения и имеют выражающие эти отличия визуальные признаки, опосредованные нормами предметно-функционального кода.

Социально-символический код

Интерпретация пространственных объектов с точки зрения их прямого назначения далеко не исчерпывает их возможных значений. Во многих случаях не менее, а то и более существенным, оказывается их осмысление в качестве социальных символов, указывающих на принадлежность причастных к ним субъектов к тем или иным социальным группам. При этом используются нормы пространственного кода еще одного типа – социально-символического. Социальный символизм имеет место тогда, когда пространственные формы вещей и архитектурных сооружений, а также их расположение в пространстве, указывают на социальный статус их владельца или пользователя, на его принадлежность к тем

или иным социальным группам, к определенному полу, возрасту, профессии, сословию, нации, религий и т. д.

К кодам этого типа относятся семиотические системы, которые придают «вторичное», коннотативное, значение пространственным артефактам, имеющим «первичное», денотативное, значение в системе некоторого предметно-функционального кода. Трон может быть символом царской власти при условии, что он узнается как сидение, корона – при условии, что способна осмысляться как головной убор.

Носителями значений в системе социально-символического кода могут быть предметные формы вещей разного рода: одежды, украшений, мебели, транспортных средств. Значимые различия одного только социально-символического кода одежды создают разнообразные его подкоды: различные версии военной, профессиональной или спортивной формы, моды на праздничный или повседневный костюм и т. д. Эти нормы могут быть более или менее жесткими, более устойчивыми или скоротечными. Но не только мобильные вещи, но и стабильные формы архитектурных сооружений становятся средствами социального символизма в той мере, в которой, помимо своего прямого функционального назначения, эти формы выражают еще и социальные роли своих обитателей. Элементами плана выражения в социально-символическом коде как для предметов, так и для построек оказываются преимущественно их нефункциональные признаки – особенности пропорций, размеры, материал, цвет и пр.

Вместе с объемными формами предметов и сооружений, средствами социально-символического кода служат и свободные участки пространства – комнаты или залы в интерьерах архитектурных сооружений, улицы и площади в их экстерьерах и т. п. Значимое место в системе этого кода становится такой же единицей плана выражения, как и значимая форма. Соотношения форм и мест способны складываться в нем в синтаксические конструкции, сопоставимые со словесными высказываниями.

В плане содержания семиотических средств социально-символического кода различимы, с одной стороны, означаемые социальные свойства, а с другой – обозначенные индивиды и социальные группы, которые этими свойствами обладают. Специализация на какой-то одной из этих функций превращает единицу кода в эмблему, выполняющую роль знаменоминатора, или в символ, функционирующий как знак-сигнификатор. Так, цвета спортивной формы чемпиона «называют» его клуб, а ступенька пьедестала, на которую он поднимается, или почетный кубок в его руках указывают на его спортивное достижение. Соединение подобных пространственных символов в одну значимую конструкцию дает эквивалент логического суждения с субъектно-предикатной структурой.

Такое соединение может происходить как между самими значимыми формами, так и между ними и значимыми местами в социальном пространстве. В последнем случае значимая форма включается в определенную систему пространственных координат, заданную тем или иным способом семиотизации пространства. Роль таких координатных систем могут исполнять индивидуальное пространство, соотнесенное со схемой человеческого тела или ценностно дифференцированное социальное пространство. Помещение значимой формы на значимое место в такой системе социальных координат придает ей новое значение и позволяет выражать некоторое суждение.

Так, обручальное кольцо, надетое на палец, или памятник, возведенный на площади, можно рассматривать как социальные символы, включаемые в субъектно-предикатную структуру специфических пространственных высказываний. При этом предметная форма кольца как символ супружества соотносится с конкретным лицом, указание на которое (подобное имени или местоимению) производится за счет внесения значимой формы на определенную позицию в его индивидуальное пространство. В случае же с монументом, наоборот, скульптурное изображение деятеля служит пространственным эквивалентом его

имени, а значимое место в социальном пространстве города, в которое памятник помещается, выполняет функцию уже предиката суждения, выражающего его социальную оценку. В обоих случаях существенно именно соединение значимой формы со значимым местом. Так же как место, не заполненное значимой формой, еще не выражает суждения, так и эта форма приобретает свой полный смысл только будучи установленной на соответствующем месте.

То, что социально-символический код дает семиотические средства для конструирования пространственных эквивалентов словесных высказываний, сближает его с вербальным языком и отличает от рассмотренных ранее пространственных кодов.

Структурные различия этих кодов дополняются функциональными, поскольку их семиосистемы играют неодинаковые роли в человеческой деятельности. Если архитектурный код задает нормы реакций субъекта на отношения между объектами, а предметно-функциональный код выражает функции предметов в субъектно-объектных отношениях, то социально-символический код регламентирует опосредование межсубъектных связей.

Вовлекаясь в разные аспекты деятельности, эти коды адресуются разным уровням сознания и используют разные типы семиотических средств. Поэтому они не конкурируют и не дублируют друг друга, но используются совместно как более или менее широкий комплекс средств формирования и осмысления семиотизируемого с их помощью пространства. Их взаимопроникновение и совместное действие создают условия для приобретения пространственными артефактами художественной ценности.

Семиотизация пространства и визуальные коды⁸²

1. Предметом настоящего сообщения будет группа визуальных кодов, от которых зависит динамическое переживание и осмысление субъектом пространства. Эти коды образуют основу выразительных средств, рассматриваемых часто как «язык» архитектуры, дизайна или других пространственных видов искусства. Однако их применение не ограничено рамками художественной деятельности и, тем более, какого-то одного из ее видов. Поэтому более адекватное описание они могут получить в системе именно семиотических, а не искусствоведческих или эстетических понятий. В этой системе своеобразие рассматриваемых кодов можно определить, выяснив: (1) особенности семиотических средств, строящих в этих кодах план выражения (ПВ); (2) специфику значений, образующих в них план содержания (ПС); способ соотнесения значимых единиц ПВ с соответствующими значениями в ПС. <...>

Специфику пространственных кодов характеризует производимая ими семиотизация пространства. Последняя требует, во-первых, его структурирования, т. е. вычленения значимых элементов пространства, отобранных по какому-то принципу, а также значимых отношений между этими элементами. Во-вторых, семиотизация пространства предполагает соотнесение по определенным правилам выделенных элементов с их значениями. Построенные таким образом пространственные структуры образуют ПВ, соотнесенный в системе данного пространственного кода со своим ПС. Различие пространственных кодов проявляется в том, как они семиотируют пространство. Иными словами, их различия зависят от того, как эти коды структурируют пространство в ПВ, каким образом они задают осмысление значимых пространственных элементов в ПС и, наконец, от того, какие семиотические средства они предоставляют для связи единиц ПВ и ПС. Ниже такие различия в способах семиотизации пространства посредством некоторых визуальных динамических кодов будут рассмотрены более подробно.

2. Пространственные коды структурируют пространство, исходя из той картины мира, которую строит зрительное восприятие. Эта картина видимого мира создается в результате работы особого перцептивного кода, благодаря которому двумерная мозаика светлых и темных пятен, попадающих в визуальное поле, разворачивается в образы объемных тел, упорядоченных в трехмерном пространстве. Уже в этой стереометрической картине мира происходит не только структурирование, но и первичная категоризация элементов пространства. Они делятся на, условно говоря, «позитивные» и «негативные» элементы: глаз выделяет, прежде всего, пространственные формы плотных физических тел, способных оказать сопротивление движениям человека, пропуская «пустоты», проявляющиеся в промежутках между ними. Такая двойственная структура существенно отличает чувственно воспринимаемое пространство от его мыслимой математической модели, которая трактует его как континуум, монотонно заполненный бесконечным множеством бесконечно близко прилегающих друг другу точек. Из теоретических моделей структуре воспринимаемого пространства больше соответствует древняя концепция атомистов, которая предельно резко противопоставляет друг другу абсолютно непроницаемые атомы и абсолютно проницаемую пустоту. В пространстве восприятия, однако, противопоставление плотных масс и пустых пространств не столь жестко: первые допускают членение на части, а вторые могут приобретать некоторую плотность. В далеком обресе разница тех и других еще больше смягчается, а в воспри-

⁸² Опубликовано в сб.: Человек и город: пространства, формы, смысл. Материалы Международного Конгресса Международной ассоциации семиотики пространства (Санкт-Петербург, 27–30 июля 1995 г.). Т.2. С.-Петербург; Салоники; Женева; Екатеринбург: Архитектон. 1998: 141–146.

ятии живописного произведения, особенно ориентированного на импрессионистическую форму видения, и вовсе сводится к минимуму.

3. Сохраняясь в разных пространственных кодах, различие «позитивных» и «негативных» областей пространства играет в каждом из них неодинаковую роль. В одних случаях основную информационную нагрузку берут на себя пространственные формы предметов. В других кодах более значимыми оказываются внешние отношения между предметами или включение предметных форм в какую-то значимую систему координат – выделенных мест или пространственных зон (например, в персональное пространство, организуемое структурой человеческого тела, в социальное пространство городской среды, в игровое пространство спортивной площадки и т. п.). В частности, пространственные динамические коды по-разному используют в структурах своих ПВ, с одной стороны, внутрипредметные отношения, образующие форму, а с другой стороны, межпредметные отношения.

Так, предметно-функциональный код делает своими основными единицами в ПВ отдельные предметные формы с фиксированными соотношениями их внутренних частей, допуская в то же время свободное варьирование межпредметных отношений (форма движущегося автомобиля, например, обычно не образует единой знаковой конструкции с предметами, мимо которых он проезжает).

Напротив, в архитектурном коде структуры ПВ создаются, прежде всего, фиксированными внешними отношениями между формами, определенной системой проемов и преград, опор и перекрытий – при большей свободе в оформлении телесных масс, которые можно менять без изменения конструкции, как например, лепной декор на фасадах домов. В отличие от предметно-функционального кода, ориентированного на достаточно точную фиксацию места предметной формы в персональном пространстве использующего ее человека, архитектурный код не только допускает, но и непосредственно диктует более или менее определенное движение человека в организованном с его помощью пространстве. При этом знак оценки у «позитивных» и «негативных» элементов пространства меняется на обратный: еще А. Г. Габричевский [1923] отмечал, что в динамически осмысленном пространстве именно его пустота становится позитивным моментом, связанным с возможностью движения для человека.

Наконец, в социально-символическом коде в равной степени значимы как телесные формы (включая тело самого человека), так и пространственные отношения между ними. Например, человек, сидящий в кресле судьи, выделенном как формой, так и пространственным положением, наделяется иным социальным статусом, чем посаженный на скамью подсудимых. В этом коде предметно-пространственные отношения могут строить знаковые конструкции, имеющие субъектно-предикатную структуру подобно высказываниям вербальной речи. Так, например, кольцо, надетое на палец; флаг, поднятый над зданием; монумент, возведенный на площади и т. п. утверждают какие-то события или идеи за счет помещения значимой формы в значимую зону персонального или социального пространства (ср. положение кольца в кармане, флага на складе, а монумента в мастерской реставраторов).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.